

gr. he mich 16 1834





Mempuse exare bee suniques ... Tryggur ofer als a bumumu
. Me une be ethint sure egre t....

15PRAK5

зъ надъ

СЯНА,

изданъ

Семинаристами Перемыскими

въ ползу

AOMY HAPOAHOTO.

въ перемышли,

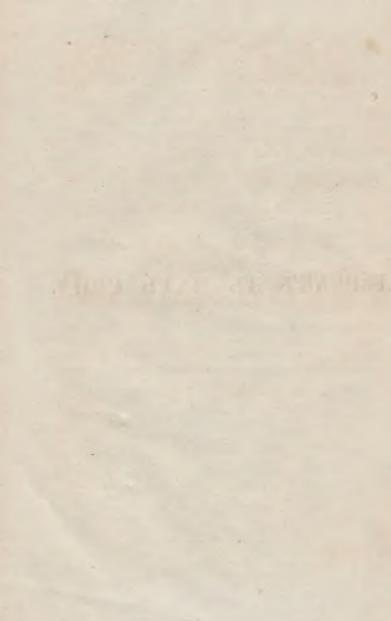
въ Книгопечатни соборнои рускои Капитулы.

1 8 5 2.





Лървакъ зъ надъ сяна.



Всечестивишому и Всеученивишому

господину григорію ГИППАВВВИЧУ,

Доктору св. Богословія и Канонического права, Схоліярсѣ Собора Крылошанъ, совѣтнику и референту консисторскому, верховному надзирателю училищъ народныхъ въ епархіи, испытивателю епархіяльному, управителю Семинаріи, властителю цивиль. почест. медали и проч.

изряднъйшому покровителеви

народности рускои

съ глубочайшимъ почтеніемъ

въ намять благосклонную

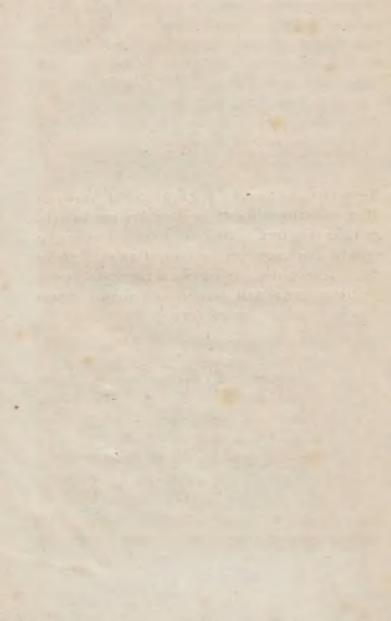
CBSTST

Издашель.



Устроенъ въ шату рускои славы, вторый Мецено нашого слова, прійми отъ насъплодъ сей, худый онъ — но зъ родимои нивы, и освяти го печатевь имене Твого, щобы тымъ усовершенъ приступъ и тамъ знайшовъ, де лучи теплењки родимого нашого языка невходятъ.





Ввеленье.

consistences as agreement may, the absorption is consistent and the consistence of an area or an area of the consistence of the

Народь сербскій не вы едномы взглядь шакь сходный сь народомь рускимь, вго давнвиша исторіа и познвйшій народный нещастя такъ подобни нашиль, вго народна поезія, мающая европейскую славу, такв аналогическо нашой розвинулася зъ житя народного и властивои вму природы, же досввиченя на поли словесности шамже починени и для насъвељми поучающими сташися могушь. Прошо думавмо, що ласкавымь чишателямь нашимь не малу зробимо прислугу, всли мівсто предмовы, безъ котрои вже и наймењша книжочка обойти ся не може, подамо корошкий вышягь изъ брошурки Дра І. Суббошича, кошрая подъ надинсомь: "Колка основных рысовь сербскои словесности" дуже занимателно предсшавляе борбу межи церковнымь а народнымо языкомо, котрая яко у насо тако и у Сербовь точила ся, но у нихь ко добру народа вже ся закончила.

"всли о сто лвтв назадв глянемо на станв сербскои словесности, каже Др. Суб-

"ботичь, то лише шемнота и порозня пред-"ставляе ся нашому оку, во обласшяхо тако "шурецких в якв и австриских в. Доивро ажь "при конци минувшого столвшья почало "соньце просвъщеня шакожь и въ той мовъ "перши лучи на сербски розпостеращи "народь, и дивна рвчь, на разь видимо зани-"машися испышовањемь, якь вода вь возлусв розчиняе ся и губишь. (Елан. "Янковичь) Зъ даки то походить? – Тое "иышање всть конечное, бо ктожь то чувавь, щобы ся словесность якого народа подоб-"ными испышами зачинала? А однакожь "ошиовваь на тое не всшь тяжка: походить "бо изъ общого европейского просвъщеня! "Сочинитель быву образованный ву школв "евроиейской, а чого шамь навчився, тое "удвливь въ своемь двлв народови. Двло шое "характеристическимь всть для сербской "словесности, ионеже опо доказуе, що серб. "ска словесносить выйшла не зъ поигребы на-"рода, не зв головы генія сербского народа; "доказуе оно не шолко, що словесность "сербска изв чужого вилыву свой початокв "взяла, але и тое, що ся такъ зачала, "якъ ся зачаши не повинна была. Бо кшожь "то видавь, абы для народа, вы найглубшой "шемношв снаходящогося, зачинаши писаши "о шо́мь, якь ся вода вь воздусь розчиняе, "ш. в. о физикално-хемическо́мь иредмешь?

"Каже иословиця, що добрый иочатокъ "половина двла; но зъ того легко вывести "можна заключење, що лучше бы было на-"ввшь не зачинаши того, що ся зле зачало. "Бо шижь ошь шого часу не могушь серб-"ски инсашель жаднымь способомь на вла-"сшиву приши дорогу, а принаймв не мо-"гушь довше на ней позостати. Помянутое "Авло навелисьмо яко харакшерисшическое, "але не всшь оно вдинособное; бо ажь до р. "1800. не видимо якъ лише двла умвеш-"ности, котрыи ся появляющь, якь що: "О хибахъ въ судженю 1794. Идеи "1793. Церковная исторія 1793. Нау-"ка о мисшеріях в 1773 и ш. д. Щожь "починавь быльий народь? Народь примавь, "що ледво уввршии можна, ши двла, ко-, трыхв не розумвов анв що до предмета, "анв що до языка, св неограниченного лю-"бовио, и уважавъ ихъ яко скарбъ народа и "переховувавь яко книги Сыбилли. Загадку "шую розвяже намъ шое обсшояшелсшво, "що народь въ шой чась до своихъ шисаше_ "лвов мавь вврв ровнающоеся довврење въ «своих в инсателях», узрывы своихы стар-"шихь, своихь учишельвь и всьо, що шолько

"оть нихь походило, уваживь яко дорого"увиность, котрую сь святою жарливостію
переховувати належить. Само изь себе вы"илывае, що горяча жажда, абы корысти
"европейского просвыщеня для народа на разь
«позыскати, писательвь того часу на бездо"рожіа спровадила. Бачили они лише на тое,
"що писали, а не мали уваги на тое, для
«к о го инсали. Тымь поступкомь отдалили
"ся они оть своби увли тымь дамше, имь
«по борше осягнути загадали; — просвыще«нье якь у дитяти, такь у народа не зачи«нае ся оть филозофіи, а до осягненя якого
"намьреня не всь средства суть ровно увли
"отповьдни, котрыи до него провадять.

"Въ нашихъ часахъ дуже есшь шяжно, "межи народомъ, который що вно образова-"ши ся зачинае, яко народоучитель въ "правдивомъ шого слова значеню выступи-"ти. Бо або стоитъ кто съ народомъ на "томъ самомъ степени просвъщеня, а въ "той часъ не може го обучати; або стоитъ "выжше, а въ той часъ народъ го не зрозу-"мъе. Тое шымъ борше наступити мусить, "понеже въ нашихъ часахъ ученый человъкъ "свои въдомости въ европейской школъ по-"бирае, яки въ правдъпередътыми, котрыи "зъ того самого черпають жерела, пред"ставити умве, але того нерозумве здв-"лаши, абы го зрозумвев той, который вы-"сокихв мыслен поняши не може: вго хиба залежить вы сиособь представляня сво-"ихв мыслей; вго термини и формулы, вго "шехника, мисшерія лоики и мешафизики, "бать кошорых в балорвашися не всив вв "сшанв, ошочующь го чародвинымь коломь, "кошорое всвяг невшайненных в в иочипаю-"щоль даленю удержуе. Навышь тое, що "кождый знае, и що кождого дня две ся, "мусишь въ шой Laterna magica народови "представишися яко щось зовсемь нового, "неслиханного и непоняшного. – До того "пошреба образовати ся въ самблъ народь; "переняши способь, якимь онь на рвчи зади-"вляе ся, и якь що поняши зможе; позна-"ши сшановище, зъ кошрого бив на рвчи по-"глядае, поняши, чого му пошреба, и якъ "му шого иошреба; – а иошому иодиши му "якобы пріяшељску руку и вывести го зв "дошечервшных в очлошовь, -- очнориши му "очи, абы далше увидвев, — розвинути му "розумь, абы легше и льише могь ионима-"ши, — якъ по шомъ, що знае, уважащи "мав на шое, чого вще не знае, — показати "му способь до того всього, и такь вго ро-"зумь и серце и вго умысль очистити,

"образовани и удостойняти: ото правдива, "гадавмь, до того дорога. На той способь "мого толко Дозитей Обрадовичь ста-"тися учителемь и просвышителемь свого "народа, а собъ николи незбвялый вынець "славы и чести, и ввиный памятнико вв "серцяхъ народа иозыскати. Ти власно-"сши, о котрыхъ въ попередущомъ всио-"мнулисьмо, завлали, що народь зв радо-,сиш воскликнувь, скоро вго двло доставь "вь руки; они то здвлали, що благодать "инсьмь вго вы короткомь чась сталася обы-"кновенного ... — Дозишей не въ ваноль взглядь всть человькомь надзвычайнымь. "Его Казки (1788). основали, же шакъ "скажу, сербскую словесность. Они перши "зачали до народа въ вго мовь бесь доваши; "они перши зачали розказовани народови "тое, що для него пристало, и такв, якв для него пристало. Иль властивостно было, що занималися справами народа, ку-"шрый для народа найбольшу мали вагу.

"Передъ Дозишевомъ инсали сербски у-"чени въ церковномъ языць, кошорый "сербскому народови ледво всшь зрозумь-"лымъ; великий Просвъщишель зачавъ але "для сербского народа инсаши ио сербски.

"Онъ иовешавъ зъ народа, и досвъдчивъ "на собв самомь, чого народови потреба, и що для него всшь пожиточнымь; онь ,,будучи самъ своимь учишелемь досвъдчивь ,,на собь, якь народь учиши потреба; онь "переконався, же вно шого научишися мо-"жна, що ся розумве, же оть цвлого наро-"да жадаши не можна, абы ся иншого у-"чивъ языка, же шаки пригошовавчи науки "всю охошу и весь чась забирающь, потреб-"ный на шов, абы ся чого доброго и пожи-"шочного научиши. Тому то опустивь онь ,,стару дорогу, и идишовь новою, и зачавь ии-"сати шакв, якв го вго родна маши говори-"ши учила. Инши видячи, якъ шое народъ "пріймае почали рвчь шую браши на роз-"вагу, и очусшили зъ початку денекоторыи. "ибзнвише мало не всв мову церковну, и "ирилягли до мовы на роднои. Понеже але "мова церковна для шого, кошорый ю знае, "мае власшивый досконалостію языка уза-"садненный повабь, що навыть и шін, кощо-,рыи совершенно переконани были о шомь, "що для народа въ народноль языцв ииса-"ти належить, не могли ся зовсемь осво-"бодити дтв ви вилыву. До того причини-"ло ся и тое обстоятелство, що денеко-"тори гадали, же мова церковна всть

"то писемна або учена мова сербска, , тому по возможности ви тримати ся по-"шреба, коли го вже зовсемь затримаши не "можна; иншін знова мивли, що черезв ири-"мвшање церковнои мовы, сербска досконал-"шого и достойнвишого ся стане. Зъ того "повстала лівшана лова, которая назвиско "славено-сербской мовы отримала, и ,,яко шезись шакь довго владвла, доки ся "народни ивсни въ друку не появили. "Якъ передъ шымъ повдинокии голосы про-"тиво неи иовсинавали, такъ и по толь вла-"Авла она у поединоких в писателвов, ба "наввшь и нынв не сушь ви забышки зв "сербскои мовы зовсемь усунени; но скоро "сербскій авсии розширилися межи наро-"домв, появився вв нихв прошивникв сла-"вено-сербскои мовы, удавившій ю якв "Геркуљесь вь колысцв. — А такь народь " помогь собв самь.....

"Въ роцв 1814 иоявився въ словесно-,сти сербской другій мужь, о котромь въ "той чась никто бы не сказавъ бывь, що о ,немь колнсь шилко ся говорити, и що онь такь много дълати буде. Бывъ то молодый Сербъ, неукончивший высокихъ школь, ,которому ири томъ всёмъ призначено бы-"ло, стати ся Докторомъ любомудрія

"и членомъ многихь ученыхъ товаришествь. "Еднолу сынови народа, селскій только "перейшовшому школы, досшало ся въ "ульль, абы церковно-славенску мову "зв словесности вышиснувв, други сынв на-"рода не мающій шакожь школь высокихь. "мавъ призначене, абы сербску мову яко "terram incognitam дакрывь, абы ю яко словес-"ну ушвердивь. Кто первымь бывь, знавмо "вже. Тымъ другимъ никто не всть иншій, "якь Вукь Карадчичь... Всьо, що че-"резь болше якь 30 лвшь вы иисменности "Авлавь, были: Народни ивсни и серб-"скій языкь. Зъ того, що черезь народни "авсни на мову вилынуло, ирипадае вму, "яко собирашелю, значишелная часшь въ за-"слугу. Вылучного вго заслугого всть то "що завлавь вы мовь. Вы шомы взгля ды бывь "онь первымь, который вы чистомь народ-"номь языцв зачавь инсаши, що неушом-"ливо продовжавь, онь учинивь науць и по-"ступкови сербскои ловы черезъ свои не-"змордовани сгромаджаня машеріаловь "встественную прислугу. Дозитей завывы "народну мову въ книжки. Вукъ показавъ "Сербамв, которая всшь правдивого народ-"ного мового. Дозитей учивъ Сербовъ, "що книжки въ народной лювь иисаши на"лежить, Вукь показавь имь, якь то чи-"ниши належишь.

Приложење шыхь колка уступовь зь сего шакъ занимашелного дъла до нашои словесносии зосшавляемо самымь ласкавымь Чишашелямь; не можемо однакожь дшказашися вднои гадки, кошрая нась сумомь наповняе. И мы малисьмо нашого Дозишея в Кошляревскомв, шворцииерелицованои Енеиды 1798; 1809 масмо и мы нашого Вука въ професоръ Максимовичу, умномъ собирашемо ивсней народныхв нашихв, которого лова и писовня взоровая; но чомужь то велики ихв працв иойшли мимо нась и не обудили въ нась шого духа и тои любви до родного слова якь ираць тамтыхь? а именно чому не вывели нась вже зь тои переходителной иеріоды славено-руского языка? Темношу небосклоня словесности нашои двв вще звызды могуть розсвышии: "выдане словаря малоруского, и повное собрање пвсней наших в народных в. По горе намв, всли шін дев зевзды николи не зойдушь, або що горшого, всли не своим в заяснвюшь свышломь!

CTUROTBOPBUIA

Константина Антонія

зъ надъ Солокіи.

TILLEGOSEOZDED

Honorous Aurorita



AYMRA

Любо сплывае — сномъ золотењким ъ Жизни солодкая хвиля, Чи то въ содруговъ крузъ раднењкомъ Легко крылцемъ май мотыля

Гадочка кожда зъ серця взлётае, Чи на единъ — все мило — Днина до днины тужнось всмъхае, И въ пъсню небо-сь впълило!

Ахъ! якже сумно свѣтъ весь пустѣе Въ доли горчавой — повстономъ Зъ щастя грехѣту скучно скулѣе Дума глухењкимъ розкономъ,

Скапуе въкомъ жизнь за слезою, Гробъ но въ розпуцъ цълуе, Думо печали, все я съ тобою! Й родъ мой въ тобъ ся любуе!!



одиба спользи — симъ вологовани в Полин солодии хода, Чи та въ содрудах крупъ радисъедиъ Лето вращенъ въй мотъля

Гадочив комда аъ серци вълдуве, Чи на вдинћ — все мило — Диниа до диниа тумлось исићале; И въ пъсто пебо-сь викъбко! To sourcess, some copyr, To some in an extreme all the street of the street of the street of the street.

Your grow as some enoy

the rough orners are per xarts,

Property are cepta guene.

ABPBARB

Вже весело грайка грае,
Все гудьба жене въ танець,
Кождый тоски забувае
Чи старыкъ то — молодець

Возъяреннымъ ставсь вътриломъ Ни ко̂њця тамъ, ни тамъ мѣры, Все, сокола ппаркимъ крыломъ, Въ довгихъ танахъ тне шталѣры.

Той голубця вытинае,
Туть гуде старењий басъ,
Гаморитъ той, той спъвае,
Пъснь весъля на окрасъ.

Но самѣська чомсь сумнѣе Чорныхъ очокъ тамъ дѣвиця, Спалѣнѣе, то зо̂млѣе Въ синѣ мовь съ росовь зо̂рниця. Рученята къ серци тисне, То взнесеся, звяне грудь, То личко вй въ слезахъ блисне Зновь зотре ихъ жаръ та студь.

> Дежь ейсь мила днина двла? Цвътъ весенный чомъ ныдве? Мовь былинка розболвла Чомъ душа ей печалве?

Въ томъ отверлись двери хаты, Все заглухло — кождый вставъ, Кождый густо ставъ витати, Кождый Аврвака спознавъ.

Тяжкій выкомы Люрвакы сивый, Трусно десновы явы стискати, Сывы горенько— звукы тужливый, Гуслы вгорнувы вже— оны ставы грати.

Дико струны щебетали, Сденъ другій звукъ гонивъ, Вразъ приглухли — зновь заграли, Онъ ся въ коло подививъ.

> Чорнъ сумракъ го вкрывъ недоль, Грудь боролась отдыхати, Око смеркло.. яжь поволи Ставъ до гуслъ такъ спъвати:

"Горко, кому сварна доля "Ще въ колыску гробъ вкопала, "Хоть кьервавыхъ крывдъ неволя "Въ струй розпуки го вплекала, "Але горше тяжше груди, "Сли туга ю розщибае, "Нужда дол'в незабуде.... "Все слеза ю отгадае.

"И менъ колись сіяла "Зорка щастя въ красной синъ, "Лишь душа сь моя здръмала— "Не отждала вй до нынъ.

> "Тражь такихъ якъ я глядати "Котрыхъ благо все минуло?.... "Будутъ же якъ я витати "Що имъ въ свътъ миле було?....

Дико персты въ струны рвали Еденъ другій звукъ гонивъ, Вразъ заглухли — вразъ сконали — Лървакъ окомъ покотивъ —

Мрачнымъ глядомъ въ всѣхъ вдивився, И въ скостнѣли спершиеь руки Вставъ стоняво — поклонився — Лѣрва сумни дала звуки,

Тай отъ хаты зновь до хаты Въ довгій поволікъ ся світь! Перестали грайки грати Всь зганули щастныхъ літь!

Кождый сумно ставъ думати — Зъ всвхъ сердењка, звукъ печали Ставъ зъ глубока сь добувати, Згадки щастя съ отозвали.

И двиця сь къ нимъ звернула,
Та до згадокъ въ стонъ вънець
Слезы зъ личка изгорнула,
А мовь гравъ бы ще пъвець,

Глухо сталось отзывати,
Загудъло — тай пърнуло:
"Будутъ же якъ я витати
"Що имъ въ свътъ миле було?



MAHRE BEER BE A M

A cromenous &

Надъ шировимъ очеретомъ Съ довговь ифсневь берегами, Маня рвала цвътъ пометомъ Тай вквъчалась кътичками.

Такъ вкрасившись — тужь припала Проглядатись въ волнъ просторъ... Веселењко ся всмъхала И съ весъломъ — зновь во скоръ.

Съ пѣсневь мчила за цвѣтками; Яжь червону гень.... калину Взрѣвщи въ далѣ по̂дъ борами, Де зъ по̂дъ горба, тасьму синю,

Розвивае довгъ поточокъ.....
Полетъла ю зо̂рвати,
Повплетала до косочокъ
Тай побъгла въ здро̂й сь зглъдати.

Тамъ Козачокъ зъ Запорожа Съ воронењкимъ ся голубитъ, Поитъ въ струнхъ.... Маня гожа Но зорнула — вже и любитъ...... Въ казнь еднымъ ся глядомъ вкула Трусно стала вже тужити, Гень — душа ей десь пѣрнула Й свѣтъ весь стався съ невь кругити.

А сумнењковь берегами Домовъ ставши йти стопою, Очереты къ Ней съ взиграми Пъсни слали чередою:

"Якъ то жизнь ся переймае, "Доля нуждовь — миръ тугою! "Що й въ весклю — сумъ дркмае, "Злоба мовь надъ сиротою!



Съ породентива си созуйну, Понух их струккъ... Иниа гоми Но горпула — име ѝ добита.....



згадка украины.

maderinas was on the same samella

Вь подъ старой липы — май то ручаю Тоны знакоми збренвли....
Пъснь мовь вечерна птичокъ до гаю Въ любой окоюце летвли

Козакъ дущею въ неба съ сперъ сини, Сердцемъ въ степовую рожу, Боя бо кьервавый степъ ждавъ дитины Любу пранцати мавъ гожу..... И мякше сиввни струны стонали, Въ безвъсть печалнъй звенъли Сли но де вътры листьомъ заграли, Або де тъня замръли.

Съ тоновъ струями, стався жальти: "Выйди! ахъ выйди милеька! Тихо... щось... стало тамъ.... шелестъти..... Ахъ то ялиця роснењка!

Вътры вы люти — въгры смањчиви! "Воронъ — знай — дзюбъ вже готуе, "Зызомъ слъдитъ скрозь довгои нивы, "На кровь козацьку чатуе.

"Завтра бой крвавый— милый твой въ бою, "Выйди! ахъ— — цить— то бй... звуки.. Тискъ лиця сумный.... око съ слезою.. Ни — то лишь птичка зъ роспуки —

И блѣдый мѣсяць мнѣ сь взиграваютъ! "Выйди ахъ — въ томъ занѣмѣли Струны — тай слова разомъ вмераютъ.... Гасла походу згремѣли,

Козакъ за шаблю.. воронь вже въ љотъ... Ехо по нихъ сь лишь остало, И то — въ глухенькомъ своемъ роскотъ О любой стръху сь роспало.

11.

Щоно небесни нивы зсъръли, Зойки но степомъ заграли.... Сонни вже въдьмы роьомъ здуднъли, Въ думцъ дръмливой сверкали

О! кобысь глянувъ въ мысли влюбленной, Пъсни познавъ Ей нъмыи! Думы — надъйной, слезковь срощенной Згадки — вчувъ звуки святыи!

О! въ Украинку слибысь вдивився, Тишкомъ приссався къ вй груди.... Стономъ вднымъ но Ей закропився.... Ты обожавбысь свътъ — люди!

Кобысь поглянувъ въ сонъ Ей, родящій Бурныи съчи, съ тоскою.... Въ немъ еденъ взръвбысь пламень къпящій, За милымъ — за отчиною!

Дармо дѣвицѣ другой искавбысь Сердце щобъ мала такъ гоже, Цвѣтъ но степовый — гордо признавбысь Въ свѣтѣ любити такъ може!

Снила милењка о Козачењку, Зритъ..... якъ толпъ мрачное море — Въ ле̂дъ яжь ся стяла кровь ей въ сердењку Въхоръ мовь воздухомъ поре —

Тутъ... несчисленной вражив туманы, Ратищъ Козацькихъ тамъ волны, Видитъ — кьервою нивы скупани Отстономъ степы скрозъ повии.

Видитъ, якъ ворогъ лячно втѣкае — Золотокудрна Слава засѣла Степъ вже вквѣченна — зъ Днѣпра вже грае Свободы дума зболѣла..

Но щось въ клубахъ сь тамъ темныхъ звивае, Шаблѣ клекотомъ сь взываютъ..... Вражнь то розъѣла щесь уганяе Громко ся съ милымъ стераютъ —

Воронъ мовь лебедь вкрытый пѣною Злостно бье землю сырую, Пнеся — звертае — мчитъ зновь стрѣлою Вѣрно въ судьбу съ нимъ горкую.

Вже обскоченный..... лишь тверда сила Шаблѣ Козацькой..... искрами Его въ повколахъ пламенныхъ скырла, Де лишь ударитъ..... стадами

Птицъ поднесни гаморъ злътаютъ; Жарту Козакъ бо незнае, Ней го й самыи неба вмоляютъ.... Ней и свътъ плаче.... недбае! Съчь му колыска... трумна могила, Слава... намятникъ нестертый! Якъ кобы гурма нсовъ окружила Вовка, онъ встекло розжертый

Зубомъ ко̂љчастымъ пудъ въ нихъ вганяе, Въ мигъ въ клубахъ сь пороху скрые — Мигомъ разитъ тутъ, тутъ въ мигъ вмертвляе, Толпа втомленна лишь вые,

Зъ болѣзни, злости звонитъ зубами..
Въ колѣ скро̂зь него засѣвни,
Вражнь такъ залявшись зною струями,
Тѣломъ тай духомъ зболѣвши,

Въ пудъ ся втомленна съ бряскомъ звернула, Тай ставши въ далѣ спочати, Подиву скомли въ свѣтъ лишь роздула, Местьно лишь яла стонати.

Но, кто незнае гадокъ настрою
Врага ? кьервовь онъ дышае,
Икъ дитя цацка, такъ онъ ся бою
Спонамъ всъмъ впрекъ напирае.

Хвиљку малу лишь тишкомъ заждала Дичь, тай зновь скоки глухими Шпарко покотомъ разно сь подняла, Мечи блыснули надъ ними..

Та на молодця спъсу погнали Храбрость розгономъ вдавити, Злобовь на ню ся всею зопхали Рускье щобъ сердце вкорити!

А разъ за разомъ мечи дуднѣли, Сталь смертоносна сверкала, Яжь ся стонами степы розгрѣли.. Слезковь миленька сь заляла,

Въ мољбу збѣлѣли губы складались,
Тай щось зачали шептати,
А въ то̂мъ гро̂мкіи звуки роздались,
Густо ся яли взмагати.

Блудитъ трвожливо очкомъ мутнењкимъ, Зъ откись могила вже сь взяла? Вже и въ кругъ неи кровця сумнењкимъ Струьомъ по степу сь розляла.

Дивитъ... познала... по надъ врагами Дво̂ръ величавый сіяе, Взнесенъ могиљно вражнѣ трупами.. "О такъ козакъ но вмерае!

"О живо! живо! ней хоть послѣдный "Зоръ Gro разъ ще захоплю, "Губы зсинѣлой отдохъ повледный "Слезковь теплењкою скроплю.

И роспадливо гень до могилы
Въ здогонъ съ въхрами съ пускае,
Лишь вражнь собравши зновь нови силы
Въ помочь ся вражнъ слътае.

Дивитъ — а въ подивъ всѣ остовиѣли
Въ по̂въ заломавши екрозь руки —
Що но могилу трупо̂въ узрѣли;
Лишь що еденъ, до роспуки

Всѣхъ въ то̂мъ сердито̂мъ вѣвъ бою, Навмертвлявъ то̂љко зъ дружины... Тое учувши рвались собою Въ здоглядъ до степо̂въ дитины.

Та майбы громомъ всѣ зверещали,
Й вторно — и знова завили,
Ту яжь дѣвицѣ виды печали,
Въ струй ся слезочокъ росплили.

Потъ по челъ Ей лявся струями,
Грудь Ей отъ болю щемъла,
А мысль сдружившись съ сну Ей згадками
Въ мољбу горчаву зшепъла:

"Боже отвъчный! силъ незмъримыхъ! "Судебъ що творишь выроки! "Що начертавесь въ жизнъ несчислимыхъ "Благъ, долъ, неба потоки,

the came area rypamers a

"Ты защёпивось въ Русь вѣчну славу, "Духомъ Лыцарскимъ... дѣлами.... "Руской дитинъ — пѣснь величаву "Велишь гремътн свътами!

Щожь нездѣлавбы червъ благодарный зъ подъ Днѣпра.. славы порога?

"Жизь му играпика, свътъ весь — сонъ марный, "Про Руси благо — про Бога!

"Боже! глянь нынк Ты милостиво, "Въ рускіи сердця — тай нивы! "Глянь! якъ черчитъ въ нихъ слезка ревливо, "Втишь любви тоски тужливи!

The Latinory of Har Atomorp, whose of

Красный бувъ ранокъ — скрозь взолотили Лучи завмерлу природу, Цвътки схоръли свъжо отжили Тай любо съ дниновь имъ згоду,

Вѣстивъ пѣвець крылятый надъ ними; Коли на зъустрѣчь — роями Днѣпра родина выйшла густыми, Съ бою витатись сынами.

И взнеслись вдал'в пороху клубы, Въ синь вже туманомъ высоко, Глухо здуднъли польный трубы, Чути тупотъ давсь широко,

А майто въ гробъ — тихо всьо ждае, Надеждно кождый вдивився, Щастя чей свого неотгадае; Воть — и вже шумно сближився Ратищь вмаенныхъ чубъ зеленевкій, А безъ тху Неня сь згльдае Спорно ступае батько съдевкій, Радостно той вже стискае

Брата — сестричку — друга — той плаче До старця — Ненѣ склонившись Живо хоть бье ся — зъ радости скаче Сердце ихъ видомъ згордившись.

Всѣ веселењко домовъ вертаютъ,
Пѣсни побѣдни довкола
Въ степныхъ дубровахъ ся отзываютъ,
Свого сама но сокола

Плаче милењка черезъ окоњце, Молитъ трусливо надъи Щербъ залишенный — Чорно въ то́мъ соњце Хмары покрили сумныи,

Громы скотились — выхры страніливо Свыту щось здались казати, Навыть старенкій песь — изы хропливо Выти по углахы всёхы хаты.

Будь то въстуны — що неомиљно Зло щось для тебе си стало, И верхомь чути ктось садить си.ьно, Въ брамъ лоша вже заржало..

, цверь заскри<mark>нъла — и варткій в</mark>же вносить Юлощь милењкого зброю, Всѣхъ почестивши — лагодно проситъ Словця съ милењковь самою.

И начавъ: Время дуже лихое "Мунусь коротко собрати; "Каже въстити вамъ мнъ лишь злое, "А запрещае втъщати.

"Въ путь б<mark>о да</mark>лекій пиљно спѣппуся, "Зъ бою вертаю.... безъ друга, "Онъ бувъвамъ милый — тымъ тутъ свѣдчуся: "Мечь той тутъ — та на нёмъ смуга,

"Кудры тутъ Русн и Его слова.. "Днемъ передъ боьомъ харячи "Ружье сидъвемъ, ловко розмова "Гадки мовь велась дитячи....

"Ту ктось сплескавъ мнѣ плечи легоњко, "Живо звертаюсь — тай радио "Друга встискаю, а онъ журнењко "Такъ рече: зъ малу роспадно

"Любимъ ся друже — всѣ якъ на тоцѣ "Мысли намъ наши тайнственни, "Въ бояхъ ужасныхъ — все мы при боцѣ "Якъ бы для себе зродженни.....

"Ней та й по смерти, въ бою сли згину, "Вяже любовь насъ самая, "Любо спращай мновь друже родину, А де листочкомъ старая "Липа новую хатку закрыла, "Тамъ якъ цвътъ Днъпра свъжењкій, "Красна якъ небо тамъ моя мила, "Дай Ей той дарокъ малењкій.

"Вамъ го вручивемъ... то ще сказати "Вамъ моливъ: предъ умовленновь "Поровь — въ о̂тъѣзьдѣ ждавъ васъ пращати... "А ниякъ вы му забвенновь;

"Зъ подъ той Его бо въ походъ звозвали "Гасла тутъ липы сумнои, "Тай що за вами тужитъ въ печали, "При згадцъ борбы святои..

"Лишъ Руси слава, всёмъ намъ милейша, "Нижь любви люба неволя, "А жизнь Козацька — й найсолодейша "Мењша якъ Руская доля!

"Бився якъ Русинъ, згинувъ Повбогомъ, "Лявромъ и смерть го вънчала! Легко звернувся, вже й за порогомъ Вже й земля густо зстонала.

Мовчкомъ милењка — якъ скамѣнѣла Въ згадкахъ сама ся остала, Трупъ мовь скостънѣлый сумно сѣдѣла И слезковь ся невжаловала;

Ъдь но насъла мысли рожанни, Галки но съ невь ся сдружили, Зорки но бледо порозметании Съ розсиетомъ съ невь ся пестили,

Тай звукъ печаљный нѣсъ ся съ росою Часто зъ подъ липы,.. тамъ ждала, Сине Ей очко смерть яжь еъ слезою Зимнымъ цѣлуьомъ вплекала,



Moreover mannen — nor oranderia the requestre care or orrela. Toyor more recording eyenn object

days mepather, rac has neperous

Jimesa mea Pyenera, pengyara Himometra,

This are untelling magain posterious, branch for expression,

HAAB BY TOMB.

Глянь но глянь — невѣрный сыне! На воняни Буга нивы, Слишь ти зойки птиць тужливи Слишь якъ въ безвѣсть дума гине..

А думнымъ хоромъ душа ти заграе Бо тутъ на Руси вже рай Русинъ мае.

Дежь в краса надъ ти цвѣты, Надъ дубровы ти зелени?
О! втишь мысли заманени,
Сердцю дай ся розглядѣти.

Глянь якъ росави головки сь схиляютъ, Любымъ тя отдыхомъ вонъ витаютъ, Якъ и зжовклый листь встеляе Путь шагамъ твоимъ мягењкій, А зазуля въ солодењкій Отзевъ тобъ принавае.

Глянь но на тую красаву долину, Въ нейсь золотаву дитяткомъ зрѣвъдиину...

Подъ калиновь товь любила Вразъ съ тобою рука въ руку, Слезки ляти до роспуку Тай думати — твоя мила.

> Надъ берегами — де струй гаморливый Съ думовь надъйновь плясавесь іцастливый!

По надъ тыми горбочками, Солодењко перевѣли Твои, въ любовь розгорѣли Тай надѣю, дни.. пѣснями.

> А тій неба! чи разъ то зъ печали Зъ горю, тай суму тя въ миръ вколысали?

Колись горко могилами По тыхъ гробахъ Руской доль, Кроинвь слезковь по неволи Звялу солодь ссавъ згадками....

> O! тогды грудь ти жарењка тужила, Въ снахъ сь по надъ Бугомъ съдымъ упосила,.

Но теперь — сли ты вдивився Въ землю — небо то самое, А все сердце ти твердое Ты не той вже.. ты эмънився, Ты ся природовь, та красовь съ любиою Ты ся святою цураень кьервою!

Ты зоръ блудный заслѣнивши
Вмановь чорной враждной злости,
Выклинаешь гробни кости!
Ты тутъ съ раьомъ.. родъ здордивши..
Землю святую негодно вдонтаешь,
О! грудь ти скала, а сердця не маешь!



0 T 3 E B B.

Все заглухло — чорни мраки Тишкомъ скрыли въ типинь свътъ, Дикій навъть родъ собаки.. Насъ дътей но Руси нътъ!

Всѣмъ вь глибочи грудь зачеркла Въ зеленењки вбравшись сны, Наша вно доли смеркла, Ночь сумна, журни намъ дни.

О предвъчный! пто сцъпляещь Марну жизни нашой ткань, Чомъ такъ тижко насъ караещь? Разъ на звялу жизнь хоть глинь!

Хоть на хвилю подружити Съ супоковомъ грудь намъ зволь! Се тя молимъ — и молити Въчне будемъ — и отколь

Кости вѣчна но̂чь окрые.. Отзе̂въ, груди вѣрный плодъ Зъ гробо̂въ нашихъ забренѣе.. По̀дъ небесный взбьеся сводъ,

Якъ теперь той звукъ нечали: "Боже! насъ неопускай, "Костемъ, въ жизни що немали, "Супокой — хоть въ гробъ дай!



ОТЧАЯННЫЙ.

Дежь только щастя взялось тай роскоши, Сь лучомъ надъйной хвиљки предомною? О вы змањчиви жизни сны хороши, Дежь вы лишили мя?... за слезъ горою, Въ довгомъ, глибокомъ жалю но згортаю Моромъ скропленни гадки... пропадаю!..

Ни чимъ втишити згадокъ жаръ огненный, Ни мнъ здръмати звуки розстроенни... Стати свободно миромъ украшенный, Тъщитись жизневь такъ якъ всъ зродженни.. Ни взръти съни зачеркъ хоть надъи... Мнъжь но ти вжасу въ свътъ дни горки? Въ пѣсняхъ колыше свѣтъ свою недолю Я но невсиѣю пѣсневь звеселити Въ порохъ зо̂гнутый грудь преповну болю, Я но судженный въ гробъ ся печалити! Чомже думоњка иныхъ що втѣшае, Въ мутный слезочокъ вырь мя затапляе?...

Низомъ.. чогожь тутъ.. подъ тыхъ свътовъ тьмами, Подъ тымъ мъриломъ незмъримой силы, Оттискомъ правды тай любви знаками, Страстенъ вхоплюся... сны хоть щобъ ожили... Въ странину верженный пропасть свътовъ тую, Въ местнои грозы волну ту мутную.....

Щобъ отдыхнути на поверсъ ъди?
Чомь тутъ глибоко подъ Твоевь ногою..
Но близь любви твой... такъ вже близь побъды...
Отче! скупаный власною кьервою,
Віюся червь мовь, дармо слезы втерти
Ждаючи дармо милостынь — смерти...

Только зраненный хвиль горкихъ стрвлами?
Свътъ мя набачивъ, ктожь мя тутъ споможе?
Голосъ мой въ безвъсть гибне повстонами,
А Тысь такъ близькій неизмънный Боже!
Дежь пристань скорбы? дежь би путь тайнственный
Дебъ разъ хоть слезку втеръ осироченный?

Царю любви мой! чижь твое создање, До той землицв, чорной, скамвивлой, Жизневь сковавесь въ ввчное страдање? Чижь для полегча раны розболвлой, Гнати довољно... за надѣи снамн... Сердце зовяле, зляти скорбъ струями?

Чомже и духа смертныхъ вкрывесь тьмою? Щобъ ся лишь ползавъ по подъ правды сводомъ, Лжевь но поився, мовь стебло росою, Землъ и неба звавсь иегоднымъ плодомъ? Чижь то на въчие узника спознање, Пудъ въ его влявесь смерти споминање?

Скољкожь ранъ згнилыхъ грудь его окрыло, Братъ мчитъ ѣдкое жало въ брата свого, Щобъ вразъ въ немъ кости й духа розточило... А онъ мовь брыла камѣня твердого! Хробы живцемъ го въ трупа вже розъѣли, Ще онъ ся проситъ вести жизнь... безъ цѣли!

Соромъже зъ пътьмы.. взнестись въ свътли лучи Въ сновъ нору вгрязлу красу розбудити? Соромъ розгнати смъло злобы тучи... Зъ лютои смерти, смертевь зновь ожити?... Гидкоже... духа... звести зъ блуда пути... А скверной землъ скверны.. назадъ вергнути?...

Ахъ! нѣ.. то оманъ мысли мой схорѣлой, Овощь нещастный потиску роспуки... Гадка то лестна... все мнѣ зъ за внѣмѣлой Гроба завѣсы, дасть учути звуки: Щастя! ахъ щастя! лишь назадъ вертае... Нѣ... я непо̂йду! умъ мя опускае...

Боже! Ты знасшь кротость сердця мого, Знасшь... якъ воля мнѣ Твоя святая, Скорбь мою, всю Ты.. всю. що днесь такъ строго Грудь мив стиснула... знаеть.. якъ горкая... Свътъ менъ тяжшій, нижь могила гроба! Згасла любовь въ немъ.. и любви подоба —

Шагъ но ступити, а въ загробной нивѣ. Якъ тамъ любиво! чомже тутъ знидѣти Кажешь мнѣ Сиљный... вести дни тужливи? Якжежь тамъ мило! дарможь мнѣ глядѣти?.. Довгожь ще свѣта того неспращаю? Боже! на се я.. о давно вже ждаю!!



НАЗВУКЪ.

О! за много отъ начала Чувства въ насъ природа вляла, Мысли вкрыла скорбъ струями, Розбудила грудь згадками....

Такъ о пъсни й негадаемъ,
Въ думахъ слезныхъ все спъваемъ.
А мовь чайка верхъ волнами
Гень садитъ десь за хмарами,
Зновь ся стръловь въ вырь спибае,
Намъ такъ въ пъсни сердце грае....

Пнеся въ зелень прикрасити, Съдь съ надъевь подружити. Зъ згадокъ знаемъ думъ содруги И зъ надъи.... сънь потуги! Довгожь згадковь намъ знидъти? Довгожь.... довго печалъти?....

Цить! вже ся вбераютъ въ цваты, Русь нещастна.... и бй дати!!!



колка словъ

о формахъ нашого языка

и о писовив.

Богдана Л....ча.



Явъ кождый розумный человъкъ, такъ и цълый народъ зъ кождого поступка своего повиненъ здати собъ справу.

Въ формахъ нашого языка находятся такіи властивости, якихъ въ иныхъ языкахъ славяњскихъ невстръчаемо; малибы то быти блуды, котрым закинути треба, или суть то отличія, котрыми ся величати маемо? Самое тое обстоятељство, що ся формы нашого языка розрозняютъ отъ формъ иныхъ славяњскихъ, не повинно го вще осуджовати; бо якжебы становивъ особный языкъ, всли бы ся въ ничемъ нерозрознявъ отъ иныхъ?! — Но всли тін формы послугуютъ до наданя му повноты, мягкости и нъжности, гадаю, що невыплатилабыся наша праця, вслибысьмо хотъли, тыхъ красотъ его позбавити, красотъ, для котрыхъ мова наша еще не давно тому межи всъма сестрицями за наимильйниую узнаною зостала!

Припустивши тую правду, що замвна самогласныхъ еднои за другую усивхае той рухъ въ мовахъ славињскихъ, котрого ивтъ въ гермањскихъ и ромањскихъ, що замвна согласныхъ становитъ тую мутъсть и лагодность мовь славяњскихъ, котрая чуженцевъ задивляе незвыклыхъ такои игры и якобы

гимнастической вправы — то нашь языкъ не только що неуступае въ томъ взглядъ своимъ сестрицямъ, але надто не едну въ богацтвъ а разомъ въ поединчости тыхъ змънъ перевыжилае.

I. Що до самогласныхъ.

Самогласній, якихъ наша мова употребляе суть: а, е, и (1*), о, у, ы, ѣ (е**) и о; зътыхъ а, о, у суть найгрубшін, для ихъвыробленя упускаемо языкъ въ долъ и уста отворомъ зоставляемо е, есть середьюю, языкъ и уста зостають свободно въ положеню середномъ, звычайномъ; в, и, ы, суть найвыжшими, для ихъ отданя возносимо языкъ до поднебеня, а уста стискаемо; всьо гое маютъ и инји языки славяњскій, але о, произносимое якъ французкое и или нъмецкое й, становлящое переходъ отъ найглубшого у, до найвыжшого в, мае только нашь языкъ. На тую самогласну складаеся найбольше органовь, уста отворяются якъ до найгрубшого у, языкъ подносится якъ до найвыжшого в, а отбившися яжь въ челъ вырабляеся той звукъ, удержающи въ собъ таку силу, же ви жаденъ инои самогласнои неосягае и пр. стой!

Зваживши способъ вымавляня самогласныхъ и степень силы тону, якій ихъ звукъ выдае, передставляеся намъ слъдующое коло: ѣ, и, ы, е,а, о,у,о, остатньое навертающоеся знова до ѣ. —

^{*)} і єсть той самый звукъ, що и, єно що ся только передъ самогласными уживае п. пр. пашіи, тяжкіи.

^{**)} é звучить якъ t, п. пр. ледъ.

Може намъ кто закине, щосьмо черезъ тоту букву б, ничого непозыскали, що далеко лешие звенитъ въ томъ мъсци повное, російское о ?! Но того мижніа мы неподълнемо; въ тыхъ выпадкахъ, въ котрыхъ о уживаемо, ужитокъ повного о ставбыся дуже неспособнымъ; двеся тое бо въ той часъ, коли намъ по самогласной: о, ходить о похъщење крайнои согласнои, котрая вже за собою жаднои самогласнои за подставу немае, до котрого то напруженя далеко больше зберемо силы стиснувши уста н поднесши языкъ до о, якъ безъ того приготовленя, отворивши уста и спустивши языкъ до о, котрое своею широтою тиљко силы для себе самого вже потребуе, що ей мало на выговоръ следующой согласной позоставляе; поровнаймо только выговоръ словъ следующихъ по руски и по російски, а переконаемося о той правдъ, произнесьмъ на пр. руское: бобъ, ровъ, ножь, воль, борь, гробь, оть, подь, столь, плоть, соль, прапоръ, овия, ось, сыновъ, — а росінское: бонъ *) рофъ, восъ, ношъ, боръ, гропъ, отъ, потъ, столь, илоть, соль, прапорь, офця, ось, сынофъ, -Якъ выразимо чути крайную созгласную у насъ, а якъ мутно у Росіянъ? якую великую прислугу робитъ намъ нашое о, коли о выговоръ крайнои слабо и согласнои ходить, котрую мы, маючи въ нашомъ о дось силы до завъдованя якъ найлегше вымовити можемо, н. пр. бобъ. возъ, ножъ, отъ, подъ; коли Росіяне непридбавши собъ тољко засобу на свое о, и высилившися до того на

Понеже ту о выговоръ ходитъ, тому умысльне пишу и мѣсто 6, и такъ въ слѣдующихъ моциу за слабу.

произносъ оногожь, принудженни суть, крайну согласну съ притискомъ вымавляти и замѣняти ю на моцну н. п. бопъ, восъ, ношъ, гропъ, отъ, потъ.

Не треба еще и того мимо пустити, що тымъ способомъ языкъ нашь о еденъ звукъ богатиий. Поляки въ томъ мъсци, немаючи способу поднестися до нащого о, спустилися до у, абы тое же такъ скажу самолюбное о, обминути п. пр. кой, rów, nóż, dół, woll: навыть Росівне замыняючи го такъ часто вы выговоръ на а, не дуже ся въ немъ любуютъ на пр. отепъ на атьецъ. Зъ подобнои причины замъняеся у насъ е на е, произносимое якъ в н. пр. ледъ на ледь, медъ на медъ, бо при стисненомъ е слъдующую согласну вымовити легше, якъ при е широкомъ. Мягењкое ухо Русиновъ вще на томъ непоперестало и принуждило ихъ поступивши крокъ еденъ зробити и другін. — Въ словахъ, котрыи ся отъ о зачинають при выговорь следующой согласной цылый тягаръ ви опиравбыся на о, а же ся и тое съ неякою силою произносить, нехотячи впадати отъ разу съ крикомъ, Русины улегшили собъ его выговоръ предкладаючи вму в, тую найлагоднейшую зъ согласныхъ, становлящую переходъ отъ нихъ до найглубшои самогласнои у, а такъ запераючися на реченомъ в успъли, що и сиљное о, и слъдующую согласную съ легкостію произнести могутъ н. пр. водъ, вось, вовця, вонъ, мъсто: отъ, ось, овца, онъ, и пишеся: отъ, ось, овця, онъ. * Для реченого сво-

^{*)} Въ подобномъ случаю и Поляки передсилаютъ W своимъ а i е, если имъ ти буквы на початку вымавяти приходитъ сътымъ до-

ячества межи в а у такъ часто ихъ у насъ замѣна, н. пр. взявъ—узявъ, встань—устань, вже—уже, въ лѣсъ—у лѣсъ; есть то музикаљная сторона нашои мовы, якон намъ побратимив завидѣти могутъ.

Де напротивъ причина замѣны о на о устае, наро̂дъ съ найбо̂љшою слѣдственностію анѣ о неупотребляе анѣ му, в непредкладае н. пр. коня, бора, воза, осы, она.

Еще ту о самогласной и вспомнути нужно, котра у насъ иншую ролю отгравае, якъ і въ пољскомъ, або и въ російскомъ; въ тыхъ обохъ і (и) передставляе той самый звукъ, якъ у насъ в, н, пр. cicho, mimo, piwo, або: они, люди, говори (анъ людѣ, гаворѣ); в перейшло у нихъ на ја или є, н. пр. siatka, тъло (тьело), тому и нужно, абы мъстце опорожненное буквы в заняло і или и. У насъ в въ своемъ первотномъ звуцѣ позостало, тому и иное мае призначење, мае оно выповнити пространь межи в, и ы, отдаючи середьое латиьское і, котрого ність ань въ пољскомъ, ань въ росінскомъ, (и тому то анв Поляки анв Росіяне слова Цицеро, якъ мы го выговоруемо, николи ненапишутъ), а отдаючи реченное середње и, надае нашому языку тую повноту, той мужескій тонъ, владфющій на слухъ якъ тонъ віољончель:

даткомъ же W и пишутъ и. пр. Wazki (узкій), werel (уголь), watroba (утроба), wezeł (узолъ), wachać (ухати) и проч. такъ и Латинники предкладали въ такомъ мъсци V а греки придыхъ острый и. пр. vesper vinum — есперос, отос и пр. И мы писучи по крайныхъ твердыхъ ъ, далеко больше малибысьмо поводу въ реченыхъ случаяхъ передъ О писати в.

Хилилися густи лозы
Водколь вътерь въе;
Дивили ся кари очи
Водколь милый ъде.
Хилили ся густи лозы
Да вже й перестали;
Дивилися кари очи
Да й плакати стали. —
Въ ковщи греблъ шумятъ вербы,
Що я посадила, —
Не машь мого козачењка,
Що я полюбила! (Макс. малор. пъсни.

Тое и пространь межи в а ы такъ двятељно выповняе, що ено сами екстрема тымъ буквамъ ся подостали; такъ на початку слова и по самогласной зближаеся до в, н. пр. имя, мои — по твердых в согласныхъ до ы, н. пр. робити — такъ, що тољко для выраженя найтоњшого и, н. пр. вхати, або для выраженя найгрубшого и, и. пр. робы, котрыхъ звукъ и отдати неможе, в и ы ся употребляютъ.

Зауваживши бще тое, що нашое ъ вправдв западнын Славяне и иныи Народы Европы непипцуть, але го въ выговорв употребляють и употребляти мусять, всли правдою, "що ся согласна сама черезъ себе вымовити неможе," а Французы и Нъмцв наввть денекуда черезъ свое наконечное нъмое е отдають, на пр. la table, ich рабе, де ся е (с) пише а невымавляе, мы задержуючи ъ только истиннъ честь складаемо.

II. Що до согласныхъ.

Если въ отмънахъ грамматическихъ важную ролю отграваютъ самогласни, не мењше то чинятъ и согласни, они содержуютъ до того звязь межи первењственными а походжайшими словами, а понадъ всьо замъна ихъ становитъ тую муткость и мягењкость, якою защищаются всъ славяњски языки.

Въ той замынь розрозняеся однакожь нашь языкъ отъ пољского и російского денекотрыми власностьми: такъ въ пољскомъ замыняе ся г на ж: Sapieha—że, въ російскомъ зостаеся безъ замыны: нога—ги, у насъ въ з, нога—зф; к въ пољск. на ц: гека—се; въ російск. неизмыное: рука—ки; у насъ на ц: рука—ць; х въ нољск. на ш: swacha—sze, въ російск. неизмыное: сваха—хи, у насъ на с: сваха—сь и т. д. всы тіи замыны выказуютъ намъ наши грамматики достаточно, а въ тыхъ замынахъ нашь языкъ не тољко неуступае своимъ сусыдамъ, але ихъ денекуда въ ныжности вще перевыжшае, такъ: чайцы звучитъ мягше, якъ сгајсе або чайки, нозы мягше, якъ подге або ноги, свасы мягше, якъ swasze або свахы.

На єдно обстоятељство хотълибысьмо однакожь увагу звернути дотыкающоеся слабыхъ и моц-ныхъ согласныхъ.

Еднып и другіи вырабляются тыми самыми органами, тая только въ ихъ выговорь заходитъ розниця, що звукъ слабои, мењшои, а звукъ мощнои, болщои силы тху вымагае, такъ б отъ и, г отъ х, д отъ т, ж отъ ш, з отъ с, г, отъ к, дз отъ ц, и дж отъ ч или щ^{*} тољко мењиниъ или бољиниъ тхомъ ся розрознае, и же зъ тои причины една за другую легко взятою быти може, задањемъ есть етнмољоги перестерстати, абы тое ся неправиљно, или съ суперекою самому собъ нестало, если хочемо въ писовиъ тую слъдственность и едноту заховати, безъ котрои нътъ правопису.

Якъ легко и мимо нашои волѣ замѣна тая дѣеся въ выговорѣ, обачимо въ прикладахъ: бапка бабка** баба, кругъ—га, сатъ—ду, мушъ—жа, союсъ—за, Букъ—га, дощь—джу; п, х, т, ш, с, к и щ не суть що иного, тоъко б, г, д, ж, з,г и ж вымовлени мощно, що ся мимо нашои волѣ для того стало, що ту ти слаби буквы або стоятъ передъ мощными и при нихъ такожь мощно вымавлятися мусатъ, н. пр. бабка; або на ковщи слова, де немаючи на чемъ ихъ слабого звука оперти, тымъ самымъ голосу нашого съ легкостю повстримати не можемо и мѣсто вымавляти ихъ слабо вымавлаемо мощно и. пр. кругъ, садъ.

Чимъ выжша самогласна, тымъ мењше дћеся тая замћна и. пр. ѣжъ, лѣзъ; найлѣпше послугуе намъ въ то̂мъ взглядѣ нашое о̂, по котрой слабая зъ причины выжие реченои слабо ся вымовити може, и. пр. во̂зъ, бо̂бъ, о̂тъ, по̂дъ.

Изъ того видно, що не кожда мощно выговорена буква также мощно ю буквою писатися мае, а изъ того знову следуе, що ухо или выговоръ не завше

³⁾ О в нижие говорити будемо.

Изъ причины выжше сказапон нишу по выговоръ.

невное правило писовив становити може, и що ту око или етимольогие на помочь брати треба, абы злою писовийе нестатися низрозумвлымь и пр. Сербъсериъ, горы—хоры, чадъ—чатъ, одъ—отъ (ен) вжъсьить, льзъ—льсъ, бугъ—букъ, городский—млоцки, дрожджи—дрощъ.

Нодобна замвиа а следио и надобна осторожность мае мфстце и при в, коли го приходить вымавляти мощно, но ту мы розрозняемося отъ Поляковъ и Росіянъ, котрын тую букву въ реченомъ случаю якъ Ф произносять, такъ: staw, krew, podków, znów, Поляки произносять якъ: staf, kref, podkóf, znóf, -Росіяне якъ: стафъ, крофъ, поткофъ, снофъ. – Но понеже звукъ ф не есть славяњскій, чого доказомъ, що немащь слова словяњского починающогося черезъ ф, Русины върии духови славањскому, ту го неприпустили, а принуджени вымавляти в мощи о, вольли перейти на найближину вму самогласну - на у, о котромъ своячествь согласной в вже повыжше говорилисьмо, тому мы произносимо повыжийи слова. стау, кроу, подкоу, зноу, но же выговоръ незмъняе правопису, если ся слаба вымавляе моцно, въ писаню справедливо удержуемо в, якъ то и Поляки и Росівне чинятъ, коли в якъ ф произносять, н. пр. napisawszy, писавъ. Способъ переконаняся, чи писати слабу чи мощну согласну всть: або оперти ю на самогласной въ отмънь грамматической, н. пр. Сербъ-ба, серпъ-на, або выпукати до неи самогласной въ первењственных в или походжаниихъ або зложеныхъ, и. пр. бабка-баба, ставъ-вити, одъодобрати (а не отобрати).

На остатку приступаемо до найцъкавшого зъявища нашон мовы, до въ, уживаного въ выговорь мѣсто лъ, котрому последное въ писовив жадною мърою уступитися нехоче. - Буква лъ, если по собъ немае самогласнои, на котройбы ся оперла, вырабляеса тымъ способомъ, що ся зубы троха отворяють, а до нихъ языкъ притискае. Найтруднъйшимъ той звукъ въ той часъ стаеся, коли го а, е або ы попереджае, бо понеже при тыхъ самогласныхъ языкъ въ звычайномъ зостае положеню, и зубовъщо вно ся дотыкае, то до выробленя лъ бракъ потребного розпуду; троха легше вырабляеся тая согласная отъ нижщого о, у, або выжщого в, ту бо языкъ спадающій або подносящійся вже лацивище до зубовъ притиснутися може, найлегше двеся тое еще отъ нашого о̂.

Для мягкослухого Народа нашого цёлое тое произшествіе за надто есть слухоразимымъ, замѣнивши для того по всёхъ самогласныхъ (вынявше д) букву лъ на букву въ, охоронивъ тымъ способомъ мягењедсть и легкость свого языка, а же ту тое въ яко крайное вымавлятися муситъ мдино, то по выжше реченомъ правилѣ произносится якъ у, н. пр. жовкевъ, вовкъ, товстый, шовкъ, довгъ, горѣвка, ено въ столъ, вдлъ, кдлъ, ддлъ, удержуеся лъ бо тежъ сиљное д легко го произносимымъ робитъ *) Сказалисьмо допѣро, що въ замѣненное за лъ вымавляеся якъ у, же при томъ анѣ навѣть 1/8 части лъ чути быти неможе, кождый ся переконае, зваживши на способъ, якъ

^{*)} Доводить то и древность нашого О задержавшого при собъль.

ся въ устахъ нашихъ творитъ у, а акъ лъ и ци лъ въ той часъ чути можна, колися у вымавляе. *)

Замьна тая лъ на въ навконечный шою стаеся въ част минувшомъ, числа единств, мужеского рода, где го найчастые нашое середьое и зближающоеся ту до ы попереджае, по котромъ лъ тымъ труднъйше быся вырабляло, що на него еще до того часто притискъ припадае, н. пр. робивъ, ходивъ; абы ся переконати, якбы привернење тутъ лъ мову нашу незносимою учинило, просимо только произнести: позволивъ съ лъ, а достанемо звукъ, передъ котромъ бы и найтвердний етимологъ загкавъ собъ уха. У Поляковъ и Росіянъ рѣчь маеся инакше, у нихъ и выговоруеся, якъ нашое в, а такъ и лъ по немъ легше имъ выговорити приходитъ н. пр. chodził хадълъ, но вымагающій Русинъ и по в говорить въ н. пр. хотъвъ. Нехочемо мы Братей нашихъ помавляти о твердость ихъ языка, мягкость ихъ мовы въ чемъ иномъ насъ перевыжщити може, н. пр. въ російскомъ в въ пољск. ść; хотълновсьмо тољко нетерати того що маемо, для того, же го иныи немають. - Въ прочемъ замъна тая лъ на въ не есть въ славяњиннъ такъ новою; въ мова церковной цела розниця межи причастіемъ І. а ІІ. есть заміна лъ на въ, а еслибысьмо причастія, II, ту т. є, въ минувшомъ часъ неприняли, зосталобы для насъ такъ страченымъ, якъ есть для Поляковъ, бо яко двепричастие у насъ ся оно не приме. Причастие І. (на лъ) есть у насъ дось засту-

 ⁵) Лъ опираючоеся на савдующой самогласной съ кождою легко ся вымавляе и ту пепадежитъ.

плене, употребляеся опо въ жењскомъ и середномъ родъ въ числъ множественномъ, и тољко родъ мужескій числа единственного есть для причастія ІІ. захованый, и невидимо, для чого и зъ отси Причастіе І. выперти го мае, самое небывши якъ тољко уламкомъ давитишно формы, и. п. писалъ есьмъ. Изъ богатства мовы церковной кождый Народъ взявъ тое, що му придатитишное, мы взявши и едное и другое борше маемо за много якъ за мало. — Такъ и въ мовъ пољской часто лъ переходитъ на въ и. пр. swo-boda мъсто яборода.

Едно еще заходить пытање, якъ тое въ писати выпадае, чи черезъ лъ чи въ?

За лъ здаеся тое обстоятельство промавляти, що вымова не повинна мѣшати писовив, если ся тому етимологія спротивляе, такъ непишемо у мѣсто в, такъ не повиннисьмо писати въ мѣсто лъ.

Но 1. не всть ту выговоръ въ мѣсто лъ, але замѣна лъ на въ (произносящоеся якъ у) подобно якъ к на ц, г па з, х на с ся замѣняе, а якъ никто мѣсто ц, з, с, не буде писати к, г, х, в мѣсто въ не можна писати лъ; но якъ отъ ц, з, с, въ даљшихъ отмѣнахъ грамматическихъ повертаеся знова до к, г, и х, н. пр. рука-цѣ-ку и проч. и отъ въ до лъ повернути можна н. пр. писавъ-ла.

2. Же ту въ а не лъ писати треба, показуе аналогія зъ нашихъ побратимцевъ Поляковъ и Росіанъ взята; коли у нихъ лъ вымавляеся якъ Ф, они не инпіутъ лъ но въ, н. пр. парізамузу, писавъ, тому и мы въ выговорѣ лъ якъ у, (пољск. и російск Ф) такожь въ, а не лъ писати повинни.

- 3. Задержавии лъ мѣсто въ на первый видъ незнаемо, котрое лъ яко лъ а котрое яко въ вымавляти маемо, н. пр. видѣль (въ), выдѣлъ (лъ), ве̂лъ (въ), во̂лъ (лъ), ишолъ (въ), глаголъ (лъ) свѣтилъ (въ), зъ свѣтилъ (лъ) и пр. що великою въ читаню стаеся перепоною.
- 4. Въ правдѣ ци скажемо: пиши лъ, но знай, що оно переишло на въ, ци пиши въ, но знай, що въ него замѣнило ся лъ, на едно бы выишло, слибы не тое обстоятељство, що не въ писовнѣ есть мѣстце выказовати правила о замѣнахъ буквъ, но въ грамматицѣ, и що въ писовнѣ, не букву, зъ котрои, но букву, въ котрую ся яка перемѣнила, выражати треба, если нехочемо всѣхъ склоненій и спряженій зъ грамматики выключити.
- 5. Всѣ Украинцѣ, яко то: Котляревскій, Основяневко, Максимовичь, Бодявскій и проч. корифей нашой словесности, если ся въ чемъ иншомъ що до писовнѣ розрозняютъ, то въ томъ згаджаются що до едного, же въ реченомъ выпадку мѣсто лъ, въписати належитъ.
- 6. На остатку съвздъ ученыхъ нашихъ отбывшійся въ р. 1848 постановивъ межи вными: "що понеже лъ въ времени минувщомъ мужеского рода по самогласныхъ въ вымовѣ на въ переходитъ, для того и въ писатися мае."

Изъ тыхъ колька словъ внести можна, ци истинно формы малоруского (простонародного) языка такъ суть безчисленными и безосновными, же имъ никто въ писаніи соотвѣствовати не есть въ состояніи. Мы противно увѣренни, же якъ въ малярствѣ такъ и въ писемной мовѣ природа за-

все нензчерпаемого достарчати буде матеріялу, зъ котрого — въ правдъ не кописты але за тое геніи безсмертный свой дъла по всъ часы творити будуть, и думаемо же за общое правило писовнъ слъдующое приняти належалобы: "Анв коњие шакъ писаши, якъ ся говоришъ, анв коњие шакъ чишащи якъ ся ишие, а но коњие шакъ писаши, абы ся щакъ чишало якъ ся говоришъ."



3 MIEBB BAAB,

(зъ Авенеумъ.)

Послухайте міряне! скажу дивну рѣчь, А зъ давныхъ то ще лѣтъ — тогды вула Сѣчь. Менѣ невка сказала — Невцѣ ви дѣдъ Дѣдъ зновь о̂тъ свого батька-батько о̂тъ сусѣдъ—

Вжежь то правда щира буде Бо небретутъ стари люде, Якъ казали — скажу такъ И покажу заразъ знакъ:

Межи Днѣпромъ а Росьомъ, плыне не величка Стыня звеся рѣчка;

Межи Стыневь а Росьомъ тигнесь довгій валь, Валь сей 6сть тымъзнакомь—а эъ откись онъ взявъ

Тое хочу розказати:

Въ селъ Павловцъ бывъ коваль богатый, Сей коваль

> Не Ляхъ бывъ, ани Маскаль Але родимый Козакъ,

Кликали его Уласъ.

Предобра душа — премилый человькъ Онъ справлявся такъ Цълый свой въкъ, Що любили его всѣ у насъ . Кождому бывъ радъ — и ему всѣ ради Тримавъ богацько челяди Бо роботы было гукъ

А нежаловали рукъ. — Едного дня — якось то въ Петровку,

На самомъ передновку,
Вже хлѣба было бракъ,
Бо хоть родилось не мало,
Але якось на горѣвку
Козацтво прогуляло,

Припало такъ,

Що принновъ до него жебрючи дъдъ; Уласъ посадивъ его за столъ И просивъ на объдъ, Ъвъ съ нимъ разомъ и пивъ.

Въ отки бывъ дъдъ? никто незнавъ,

И коваль его непытавь, отому всяки басн'ь о немь ходи.

Потому всяки басив о немь ходили, Един говорили:

Що якійсь святый за д'єда удався Тай по мір'є шлявся,

Други казали — що сей человѣкъ Бывъ чаро̂вникъ , А една сусѣда Поганого житя ,

Справедлива чаровниця

Казала: що се чорть прокинувся въ дъда. Вогъ съ нимъ-кто онъ бывъ Уласъ непытавъ,

Ъсти и пити до сыту давъ, А ще мавь пиљну роботу Поклавъ дъда спати, Самъ крикнувъ на охоту, И давай працювати! —

Велика се была, що взявъ въ руки, бляха, Але коваль охочій Двигавъ ю сиромаха, Яжь на лобъ л'язли му очи, И чупрына кръпко спряла. —

Ижь дедь въ кузьню зайшовь, съ ковалемъсь прощаги, Бачитъ, що роботы сила,

Тажко казицами двигати,

Зъ торбы добувъ клѣщи — и сказавъ такъ:
Возьми отъ се на знакъ
Щось мене добре принявъ,
Тутъ клѣщи ему въ руки давъ;
Тыми клѣщами переможень всяку силу

И хосень (удещь мати — и намятку милу.

Взявъ ними коваль бляху — важила два пуды , Обертае сюди , туди , Молотомъ на всѣ боки пражитъ А бляха фунта неважитъ.

Сердце ся розрадовало Що то таки клѣщи мати, Обернувся дяковати, А дѣда вже нестало...

Перейшовъ короткій часъ
Якъ доставъ клѣщи Уласъ,
Що имъ дивовалась цѣла Украина;
Яжь тутъ сталася причина—
Показався такій змій
Що якъ печерска звониця

То онъ ростомъ бувъ такій, А якъ въ Стынъ воду пивъ, Бо надъ неюсь волочивь То хвость сягавъ до Мытниця.

Такье чудо — такье диво, Якъ зъявилося въ природъ, Розсѣяло дуже живо Страхъ — по цѣло̂мъ народъ; И весь наро̂дъ утѣкавъ — Де втѣкати самъ незнавъ. —

Зажурилась Украина; Бо отколи свътъ наставъ, Перша зъявилась причина Що козакъ ся налякавъ. Бо всъжь знаютъ — се не байки, Не еденъ разъ кораблъ И бисурмањскій шабль Втакали отъ козацкой чайки И козацкихъ спъсъ, Куль летьли якъ градъ Боронивши Цароградъ, Козакъ такой тамъ ульзъ. А тутъ - прінцио круго такъ, Що злякався самъ козакъ. И ненайшовся охочій Щобъ заглянувъ змін въ очи.

Уласъ велику кузьню мавъ, Ствны помуровавъ — А двери? менъ страхъ Зъ самого зелъза и бляхъ. — Тамъ онъ съ челядевь працюе
А змій въ Павловку мандруе. —
Вже не жартомъ страхъ теперь
Уласъ дверн отъ кузьнъ заперъ,
Та собъ бай дуже, —
Змій, просто до кузнъ струже.
Двери гладки, а змій съ чортами
Незачепитъ ихъ зубами.
Пробовавъ дурно, а потомъ
Нужь лизати языкомъ,
И перелизавъ дъру — дъра велика
Що вже всадивъ тамъ конецъ языка

Бо на Уласа мавъ храпъ — Страхъ межи челядниками Уласъ дъдовыми клъщами

За языкъ цапъ! —
Змін пѣнится и реве
А языка невырве;
Крикнувъ о̂нъ на челядь въдругъ
Робѣтъ хлопцѣ живо плугъ,
Нехай змій намъ пооре. —
Хлопцѣ были жвави, разьни
Знали що то ремесло,
Зробили лемицъ, ппирины два сажнѣ
Желѣзни чепѣги, градѣль, выкладниця

А стовба и чересло Якъ Павловецка зво̂ниця. —

Бывъ дубъ привезеный на валъ, Зробили зъ него ярмо, Бо вжежь казати дармо Въ кленово̂мъ ходити змій неставъ,

Въ двохъ сосенъ зробили выя И запрягли въ плугъ змія. Уласъ клѣнцами змія веде

А прие село

Ло чепиги прилягло,

Змін реве

A ope

Сыпле валъ за собою

А де прівшовъ до рѣки, де небыло броду, Вышивъ всю воду,

Тай сухою перейшовъ ногою.

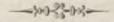
Ей роботажь была скора

Хотввъ Уласъ сынати сей валъ, яжь до моря-Валъ бувъ якъ Церковь высокій. Борозна якъ великій љохъ. Полналились змін боки

Тай здохъ;

Бо навиженый Уласъ И разу змія непопасъ Сыпавин тридцить миль вала. —

Щожь зосталося теперь? Змін здохъ — Уласъ умеръ — Въ валь памятка зостала. Валъ сей стоить сотню льтъ И достоитъ — доки свътъ! — -



BECHA

Въ коло, въ около,
Всюда весоло!
Где зазритъ око,
Кудай но гляне,
Душа глубоко
Думати стане,

Чомъ солодењко, Сердцю милењко, Чи то гень въ гаю, Чи то по лузъ? Чому якъ въ раю На земско̂мъ крузъ?

Чому думами,
Що яжь слезами
Кормлятсь зрѣницѣ,
Чому такъ пѣютъ,
Малењки птицѣ
И сердце грѣютъ?

Чому цвѣтоњки; Гей первесноњки!

Встроенни въ шату

Сердця дѣвицѣ

Воню богату

Стелятъ землицѣ?

Чомъ солодењко, Всюда милењко ...
То по землицѣ Весна вживляе, Сердцемъ дѣвицѣ Все огрѣвае.

Тому милењко
И солодењко,
Въ лузв чи въ гаю
Въ коло въ около,
Такъ якъ бы въ раю
Всюда весоло!

П. Л.



до птички.

Чомже птичко невеличка
Неспъваешь вже менъ,
Чижь солодкихъ думъ зорничка
Загибае при веснъ?
Деревина десь съдала,
Днесь самъська, якъ сиротка,
И галузка десь спъвала
Всохла мовь стуженна цвътка.
Чомже днесь тя невидати?
О, злети ми заспъвати!

Днесь я бъдный самъ на свътъ Ходжу блуджу по пустыни, Чи въ зимъ то чито въ лътъ, Выглядаю милой днины; Но на свътъ всюди горе, Всюди доля мя лишае — Зъ дней весъля — слезне море — Скорбъ ма въ бездень затапляе! Чомже днесь тя невидати?

Пойду въ стройни цвътомъ луги,
Сумъ мя зъ отси въ безвъсть гонить —
Свътъ сей пропасть — змій яруги
Ктожь мя нынъ приголубитъ?
Птичко! птичко золотава,
Слибысь ты ми щебетала,
Приязнењко, хоть кьервава
Грудь моя, съ тобовь бы грала;
Но й тебе вже невидати,
Горко мушу самъ спъвати!

А. К.

вытягь зъ рукопису "критика."

H J



Початковое розличе въ письмахъ напихъ писателявъ що до языка и правопису, было доказомъ стремленя до чогось лапшого и грунтовнайшого, и возбуджало въ любителю свого родимого языка, наисолодшу надъю, що по томъ заколоченю правда на верхъвыйде; но нещастье хотвло, же тое стремлење назадъ ся цофнуло, животным силы успоконлися, а мы, вмъсто ожиданои новои льтературы, видимося якбы чародъйнымъ ударомъ постановлеными назадъ тамъ, откисьмо выншли, т. б. въ давной льтературь. Хоть напротивъ того многокротно голосъ подносилисьмо, хоть въ письмахъ публичныхъ явно просилисьмо, шобы ти п. п. писатель, котрыи недержатся всеобщого выговора народного, обявили причины и засады своихъ правилъ, хоть давалисьмо доказы нашого противного мнвнія, то прецв на конецъ увидвлисьмо, що голосъ нашь стався голосомъ вопіющого въ пустыни, никто насъ вправдв непогудивъ, але и никто за нами непромовивъ. И щоже было даљше двлати? Видячи, що никто собъ труду незадавъ, абы надъ нашими увагами застановився, видячи, що уже всьо успокояеся и назадъ до правиль давивишихъ Грамматикъ (церковного наръчія) вертае, а любячи нашь языкъ надовсе, постановилисьмо съ гадками нашими больше невыступати, щобы неколотити тои дивнои одностайности, котра хоть

мивнію нашому противна, однако чимсь лучшимъ быти здавалась якъ мовчба, подумалисьмо: га! якъ пингутъ такъ пингутъ, прецъ лъпше, акбы ничого неписали, або въ иномъ нарвчію свои мысли выкладали! и такъ хотвлисьмо жертву зо себе для письменности нашои здълати, и кинулисьмо перо отъ себе. И такъ зачалисьмо привыкати до тыхъ дыбовъ грамматикальных въ котри писатель теперыщии языкъ народа нашого заковують, зачалисьмо теривти безгласно съ народомъ, зъ еднои неволъ що ено освободженымъ, а уже въ другу попавшимъ. Тымъ часомъ мимо надъи находимо прецъ голосы напротивъ усталяючонся письменности теперашной повстаючи. э видячи, якъ они поединчій съ многими дужаются, постановилисьмо еще разъ голосъ нашь въ справъ народного языка поднести. Того вже небудемо доказовали, же намъ ся въ письмахъ народного языка держати належить; бо тое признають намъ и тін, котрын еще передъ Грамматиковь Смотрицкого свъчки палять, але зъ отси выпровадимо липь даљини слъдствия. Если народнои бесъды держатись маемо, то за першое и головное правило мусимо прияти: такъ пиши, якъ ся всеобще говоритъ, то значить; пиши тій слова и въ тыхъ формахъ, котрыхъ жіючій народъ все обще уживае. Ба але вже чуемо якъ кричатъ: а колито що сторона, то инакший выговоръ; — на тое коротки отказъ: того ся держи що есть всеобщимъ выговоромъ, або вы-

З) Тому не самъ выговоръ, ани не якъ кто поедивчій говоритъ або якое село, або яка околиця, но якъ ся всеобще, або якъ большость народа говорить.

говоромъ больности. Въ прочомъ, зъ тои стороны можемо быти спокойными, бо отмены що до выговора суть въ нашомъ языце такъ малозначный, же всеобщи выговоръ лацно вынайти можна. Кобы Русины угорскій держалися своей народной бестды, далеко мењшое былобы розличе ихъ письмъ отъ нашихъ.* але теперь пишутъ ани въ своемъ, ани въ напіомъ, але въ якимсь нововыдуманомъ языцъ. Ледвосьмо тое написали, а вже чуемо новый крикъ: А на щожь тогды грамматики? — Якто, языкъ есть для грамматики, а не грамматика для языка? То грамматика може цфлому народови накинути чрезъ свого автора выдумани правила? А до чогожь всть грамматика ?.. Грамматика мае выказати правила, въ котрыхъ языкъ находится, але неприцисовати му правилъ, котрыхъ онъ незнае; грамматика мае вынаходити всеобщій выговоръ, а очищати языкъ зъ вынятковъ, мъстцевыхъ отмънъ, чуджихъ словъ и формъ;** грамматика мае свои правила узасаднити, абысьмо ни ено знали якъ, але и для чого такъ говорится и нише. Но то дуже миљна ръчь, якбы мы сказали, понеже грамматика церковного нарачія мае: отъ, маемъ, глаголя, рожду и пр. то и мы такъ писати, и розумъеся такъ говорити повинни. Боже хорони нашь народъ отъ такихъ грамматикъ; ихъ авторы того нерозумьютъ. же въ поединчомъ письмі простого человіка больше

^{*)} Кто незнае ихъ выговора, няй перечитае: Книжниця читальная А. Д. 1847. а пересвъдчится о томъ.

^{**)} Такъ грамматика ведля всеобщого выговора становитъ за правило, абы говорити и писати: лапаемо, лапае, чуешь, триска, — а слова: лапаеме, лапаемъ, лапатъ, цюешь, триска, належатъ вже до неправильностей. —

находится грамматики, якъ въ ихъ ученыхъ письмахъ; бо тамъ є засада, жива бестда, а тутка воздушный правила. И ктожь незняе, же образованный языки, латињски и гречески впередъ мали писателѣвъ и дѣла кляссичный якъ грамматику? А вы хочете языкъ грамматиць пожертвовати и подчинити? Въкъ шестнадцятый бывъ золотымъ въкомъ для словесности пољскои, а перша грамматика Копчињского появилася донъро 1778. року! Мы думаемо, же если такъ дальше взадъ пойдемо, то незабавомъ узръмо на позорищи нашои словесности грамматику подобну спорой недавно свътъ узръвшой и духомъ го понехавиюй грамматиць полской, котрон авторъ выходячи зо засады, же шестнадцятый въкъ бывъ золотымъ въкомъ льтерятуры полскон, хотъвъ языкъ живый до давныхъ формъ докоњче навернути; но поляки мали розумъ, познавши еи стремлење, заспъвали ей въчная память, а нынь о ней ани чутки!

Икъ читаемо теперь въ письмахъ теперъпиныхъ писателъвъ слова и формы: аще, сице, иже, кое, быхомъ, рожденный, розпоряжене, сохраняя, подобаетъ, главный и.... то намъ голова схне, якъ хочемо отгадати, для чого ихъ уживаютъ? Чижь народъ немае своихъ власныхъ: всли, такъ, бо, котрый, якое, былисьмо, родженый, розпоряджење, (отъ розпорядити а не отъ розпорязити) сохраняючи, належитъ, головный? Чижь тін народомъ уживаныи слова суть злыи и въ самомъ дълъ "глиною, зъ котрои ихъ полокати належитъ"? чижь тамти чуджи слова суть лъпши або краснъйши? и въ чемъ залежитъ тая доброта або красота? якаже ихъ потреба або якій зъ нихъ пожитокъ? Чи то щось лъпшого, всли корен-

ну букву д опущу и скажу суженный мъсто судженный (суджу)? або всли ж передъ д поставлю а не по немъ, и скажу сужденный? О якже намъ жаль того численного народа, котрый немаючи такъ нъжного вкуса, все по своему суджу и судженый говорить и свого общого выговора ведля якихсьтамъ грам матикъ зманити не мислитъ! Яка то непостижима высокость стиля быти мусить, если насилемъ именамъ прилагатељнымъ въ жењскомъ и средномъ родъ мн. ч. иныи законченя даемо, о котрыхъ народъ незнае: красныя невъсты, высокія дерева! Латинскій языкъ бывъ троха образованішимъ отъ нашого, а однакожь невзнесся на той степень совершеньства, абы свои adjectiva cum una et duabus terminationibus поперераблявь на троякій законченя, а наши Грамматики небачатъ на ничь, лишь кричатъ: sic volo, sic jubeo! Мыбы однако радили невыриватися съ тымъ, чого доказати годъй!... Га! думайте о що хочете, але мы ту до нашон неудољности признатись мусимо и кажемо, що того всього поняти неможемо. Однакожь тую користь маемо, же читаючи такій письма, де суть такъ розличный слова и формы киљкохъ нарвчій помвичани, понимаемо то троха, якимъ способомъ при ставленю бабилоњскои вежи помъщање языковъ наступити могло. Кто знае исторію словесности якогобудь языка, и гін перемізны, черезъ котрыи переходила, тому стремлење тепервиныхъ нашихъ писательвъ неотступати отъ давивищом литературы на певно дуже смвинымъ ся выдасть. Мы дивуемося, же наши писатель быгають по воду до саджавки, а нечернають си въ чистомъ и живомъ жерель! Див рвчи нашимъ писателямъ суть

конечно потребни, а на котри жаднои бачности немаютъ, т. е. если народнои бестды держатись належить, то тін різчи въ письмі точно удержати треба, котрыи ви характерь становлять, а другое, же зъ тыхъ словъ и формъ, котрыи для неи суть чуджими, очищати ю треба, (character et puritas linguæ) такое стремлење нащое быти повинно а не инакшое! Накоторымъ видится, що мы напротивъ церковного нарвчія повстаемо, же ся цураемо церковного слова. Но прошу покажьть намь, въ чемъ и якъ? Мы толко хочемо, щобы безь потребы неуживаги словъ и формъ церковного наръчія, що намъ вже давнъйше нъкотрыи инсателъ закидовали, коли маемо свои, а то невно не есть нападомъ на той обрядкомъ и въками освященный языкъ; мы лишь хочемо, абы черезъ мъшанину, якои теперь уживаютъ, нетворити якогось нового, небывавшого и небудучого языка т. в. языка перекинчика, мы хочемо, абы нашь языкъ письменный небывъ воздущнымъ, но щобы мавъ подставу въ народъ, бывъ для него не лишь зрозумълымъ, але его власнымъ, зъ устъ его взятымь, що російскій писатель найбольше хвалять и чого намъ завидять, ** върможь хоть чуджимъ ученымь, коли сами на томъ познатись неможемо. Мы знаемо и о благочь вплывь церковного нарвчія на нашое, але тутка лише о злонъ говоримо и ясно толкуемо чого нехочемо; прото просимо насъ добре вырозумьти, абы намъ незакидовано того, о чемь неговоримо и не думаемо.

^{*)} Atheneum r. 6. 1841.

^{**)} Москвигянинъ з, р. 1843.

Въ письмахъ публичныхъ давались чути голосы противлячися инвніямь ревнительвъ правдиво родимого руского нашого языка, сказуючи, що для обще принятои грамматики справляють и змьняются надсиланый артикулы до газетъ! а котражь то нытаюся обще принята грамматыка? Ани обще накиненои немаемо грамматики, а о обще принятой совстив ничого невъдаемо. Мы знаемо, що теперь на Руси но всвхъ школахь учать руского языка, але не всв учитель держатся едного автора, до того еще кождый ведля свого мизив автора поправляе або отмыняе, а глежь в тая обще приня та грамматика? Въ публичныхъ напихъ рускихъ письмахъ велля розличныхъ артикуловь уживаеся такожь розличного языка и правопису, и невидно въ нихъ правилъ обще принятои грамматики. Если намъ ходить о просвыщење народа, то тра его власный языкъ образовати, але лише живый языкъ образоватись може, бо той лишь здобный къ розвиваню. взбогачованю, очищаню, наломованю, але не мертвый старославяњскій языкъ. Поки Римляне латицьскимъ говорили языкомъ, доси онъ образовався, але скоро нестало народа нимъ говорящого, вже укончилося и его образовање даљиое, и хоть латина школы и уряды по цълой Европъ заляла и черезъ киљка въковъ въ своей власти держала, однако языкъ въ совершењства ани на крокъ непоступивъ, а лътературы кляссичной глядаемо лишь въ делахъ тамтыхъ часовъ, коли еще латина живою была бесть 10ю. Такъ марный трудъ тыхъ, що черезъ помъщање церковного нарачія со живымь рускимъ тое посладное выобразовати думають, мы думаемо, що тымъ способомъ сотворятъ макароньзиъ нового рода, але не языкъ образованый.

Ревныи любитель родимого руского слова! щожь зъ нашихъ усилю що? коли на насъ якъ грахъ Адама тяжить доля Кассандры, котрой никто невъривь хоть и правду говорила! Тутка не еденъ намъ закине: Если правлу говорите, чомже васъ никто неслухае?... До чого люди навыкая, отъ того лацио неотступлять, зноровлење есть наитяжною до вылвченя хоробою; а врешть чижь не лацивище подивитися до словаря церковного або роспиского або до грамматикъ тыхъ языковь, якъ прислуховатися беседь народной, тому невычернаному, но не отъ кождого поважаному живому словарю? а на остатокъ, ктожбы познавь по простой бестат мудрость нашу? але якъ до неи попричипляемо чужій слова и формы, якъ полатаемо кусками рознобарвными поединчу одежь, а тогды кождый шапку здойме, и пресвъдчится, же щобы въ рускомъ языцъ писати, тра до родимого языка иного наръчія слова и формы мізшати, тра уживати хоть безь потребы етимольогій, в анальогіи ба навыть греческого языка.

Же языкъ нъмецкій и италійскій, якъ инше господинъ Г. П. розличаются отъ простого народа, то зъ того походитъ, же въ Нъмцяхъ лише еденъ діалектъ горно-саскій, а въ Италіи тоскањскій до письма припущеный бывъ, але не зъ того, жебы Нъмць и Ита-

^{*)} На етимольогію не повстаемо, але тра ю обмежити, тра знати, коли и якъ єй ужити, бо неограциченое уживанье етимольогій затре характеръ нашого, и запровадить насъ на поле иного нарьчія.

ліяне брали до свого языка слова и формы зъ иного якого нарвчія якъ того хотять ивкотрым наши писатель. Пипівмъ лишь ведля всеобщого выговора большости, а уже будемо мали языкъ письменный, иншій отъ простои бесьды бесли намъ докоњче о тое ходить, бо и. пр. ведля всеобщого выговора писати належить: глядаемо, и тутка вже маемо розличіе отъ простои бесьды галицкой гледаемо, отъ простои угорской глядаеме, и на щожь намъ вще иного розличія?

Такъ правиљнымъ закончењомъ infinitivi есть: ти, н. пр дѣлати, пишѣмъ такъ, а вже буде розличіе отъ украинского ть: дѣлать. Пишѣмъ ведля выговора боъщости: часъ, жаль, шапка, а вже буде розличіе отъ галицкого: чьесъ, жьель, шьепка. —

Суть и такін, що думають, же чрезь такую мізшанину, напротивь котрои повстаемо, языкь образуеся.... Просимо намь тое ясньйше и въ прикладахъ выложити; того ожидаемо, а тымь часомъ думаемо: що образовање языка на богацтв в и чистот в словъ и формъ и на красот в во выраженю мыслей залежить.....



AO COAOBIS.

Васпѣвай ми соловію, Заспѣвай краснењко, Бо я тужу, бо я млѣю Въ думцѣ ми сумнењко.

> Заспѣвай ми пташиновко Въ дубинѣ милевко, Заспѣвай ми голубовко, Потъши сердевко;

Потъщи серденко;

Бо я бъдный сироточка

Долъ вже незнаю,

Сивенкого твого очка

Коли невидаю!

А якъ ты ми засивваешь, Коли тя обачу, Долю мою потвшаешь, Вже тогды неплачу!



AO E . . .

Гей цвътоњку, первеснењку! Заваби днесь зазулењку,

Зазулењку лебедину, И любиву гень пташину; Що голоскомъ середъ ночи, Слезовь кормитъ красни очи,

Красни очи и сердењко, Розгрѣвае такъ милењко! Завабъ молю, по̂дъ окоњце, Кудай ранкомъ оѣжитъ соњце,

Чрезъ окоњие до милои, Неси прошу думки мои,

Думки мон, воня твои И спъвоњки,

> Солодењки Гей цвѣточку Первесночку

Неси — неси до милои! —

П. Л.



AYMRAS

Гень — гень далеко въ чуджу краину
Коли ся зблудить незнавийй пути,
Слезовь злевае тоту годину
Въ котрой то пращай мусъвъ учути —

Якъ стрвла хвжо летитъ думками
Десь по надъ горы, десь по надъ моря—
Летитъ, летитъ яжь мыслей крилцями
Достигне любку, красну якъ зоря.

И гнеть забуде о своемъ горю
Печаљни смуты зъ себе звергае,
Бо въ свой краинк гляне на зорю
Що такъ краснењко ему сіле.

И радость око почне му тмити, Бо сердце грже пъсня ревлива, Бо душу его, якъ роса цвъты, Поитъ вкраињска думка любива!

П. Л.



чте сердце того правда.

(ПОВЪСТКА).

На отстороню въ сель, о котрого имени няй мень замовчати буде вољно, на граници кудай ръчка Танва рве, взносилася на взгорку хата, зъ всехъ сторонъ лъсомъ молодои грабины, дубины и бучины и ьбы барванковымъ ванцемъ окружена, а эъ еднои была тамъ долина цвътуща, мовь то встяжка рознокрасавая, которовь оба конци того вънка случалися. По долинъ ръчка гуляла, якбы дъвиця забавляющаяся цвътами, що надъ ви берегами такъ краснењко розцвиталися, бытаючи за ними то въ право то въ лыво. А такій красный видь отъ тои хатины долиновь, що разъ кинувши окомъ на о пару миль розплывающися луки, то ланы, то сады, не можь го было бдорвати, а вдивившися въ такъ пречудесне украшенье природы, и ночь коли надбъгла, неспостеръг-6СЬ. -

Но не єдна тамъ надъ рѣчковь хата стояла, было тамъ больше, самыхъ стодолъ было зо двѣ, а обороговъ съ вонячимъ сѣномъ якъ шафранъ, а стайня, всьо всьо то доводило, же есть якогось заможного газды власностевъ. На подворю ничого невзрѣвесь, щобы тамъ быти не повинно, а гумно чистше якъ денекудай боиско — мило было ся подивити. А коли скотина спущалася зъ горки въ долину щобъ ся живою

покрѣпити водою, играла собѣ, даючи до познаня що любуе свого пана. — Що тамъ хлѣба! бывало и чуджій наѣвся до сыту. Всього, всього было досыть. —

Но все то ничимъ было коли отчинивесь двери хаты. Якаже то красна свътлиця показалася твоимъ зрѣницямъ, яка чиста, а здорова зъ липового дерева выбудована. - Перше що въ очи впало, бывъ то на противной сторонъ дверей образъ представляющий св. отца Николая въ красныхъ золоченыхъ рамахъ но ще краснъйна робота самого образа, до котрого Иванъ мужъ серднього въка, съ женою Маріею гожовь молодицевь рано и въ вечеръ горячи моленя засилали съ доњовь своевь Настуневь, молодовь гарновь дъвицевь. Краснажь бо была она, не мого пера сила описати ви золотокучеравое волосье, ви личко быле, зъ обохъ сторонъ умаене живовь красовь. А коли то засмъялася, а коралеви уста отворила, щебетаючи де що, тоды и власти надъ собою не мавесь, но десь гадками твоими но раю латаввсь! О неуближаючи теперъщным в красавицямъ, мало такихъ вже подибати можь.

Было то около року 1700. и щось, отъ вже нетямлю въ котромъ, коли нкіись невидани гость яли пересуватися черезъ границю. Много зъ нихъ, котрымъ ся до своей роднмои хаты повертати зъ тон простои причины нехотьло, же немали жаднои, обрали собътамти льсы за свое обиталище, а пріявши засаду братерства въ томъ смысль же и чуже брати можна, перетрясали, подъ позоромъ дьдовъ, жидовъ (ньбы купцевъ) нарешть ньом хотящи служити, поединчо поблискіи хаты, абы довьдавшися де що 6, по бра-

терску подалити рази межи властителя тихже и себеа такъ лишени всякои подставы правовитости, завше были готовыми до попираня злыхъ намареній вще горшихъ людей.

Псоты якін зъ недоступныхъ закутковъ своихъ въ цълой окресности невидимымъ способомъ выконували, томъ болщую розпространяли тревогу, же николи не можна было достигнути рукъ котри ихъ дълали, анъ охоронити жертвы, котрую собъ ихъ злоба выбрала.

Не разъ, не разъ по лици проникливои Маріи поточнлася горяча слеза, коли то собѣ погадала, же и въ еи хатѣ тото само злучитись може що у сусѣды. Найболие затрувала еи сердце тота гадка, що тымъ моспанамъ весь соромъ небывъ грѣхомъ. Кобы ихъ милостившими ко свому дому здѣлати, не разъ переходящого въ капотѣ незвычайной сама просила до хаты, казавши тымъ часомъ Настунѣ до другои уступитися комнаты, и давала ѣсти и пити до волѣ, ба по добромъ ѣдженю еще и кѣпиеню позволила напхати. Неразъ и Иванъ захмуренымъ окомъ на тое дивився, що такъ жена его гойно обдѣляе волоцюговъ. Но щоже бѣдна мала робити? за славу своей Настунѣ и житье бы отдала была, не такъ капку зъ маетку. —

Едного часу было то въ красный вечеръ лѣтнои поры, бос оњие що бно землю воннчу попращало, кидаючи по за себе слабын но лучи, нѣбы пращальное поцѣловање вершкамъ деревцѣвъ, а звôнъ церковцѣщо но своимъ правдиворускомъ звукомъ завтрѣйшну недѣлю оголосивъ, на ослонику передъ окнами, але чистшомъ якъ де инде и въ свята великодни, сѣ-

дѣла мати съ доњовь, отпочиваючи по цѣлодневной працѣ, и розмавляли съ собою, коли Иванъ съ своевь челядковь ще коло господарства крутився. О чемсь але дуже тайнымъ бесѣда ихъ была; бо анѣ о волосъ не достававъ даљше голосъ матери якъ но до уха доч ки, а голосъ дочки и на повъ волоса не даљше якъ но до уха матери. Часами доня и ничого неотпо вѣдала, за отповѣдь служила ей жившая краса и покотившаяся слезка по еи личку, котра ю ще красшовь дѣлала, якъ цвѣтку весняну ранкомъ дробная роса.

Слава тебѣ Боже! Иванъ голосомъ лагоднимъ, зъ котрого цѣлу его душу бы вычитати можь, приближившися ко нимъ сказавъ, а перехрестившися, ще разъ: слава тебѣ Боже шо за ласковь твоевь добре ся наша цѣла тыжднева праця заковчила, сказавши, тужь коло нихъ и о̂нъ собѣ усѣвъ. — Положивши шапку на ослонѣ обтерши потъ зъ чела прикликавъ едного зъ служащихъ — Федку! иди но закимъ вечера буде до лѣса и нарѣжъ пругя на мѣтлу бо бачивемь що вже выходятъ.

Добре господарењку що но гадавемъ васъ ся пытати чи позволите пойти. —

Иди иди сыну! а обернувшися до сѣдящыхъ запытавъ: Но о чемъ же вы ту такъ бесѣдовалисьте? що бачу на личку моей Настунѣ слеза свѣтится, що тобѣ доню? моя голубоњко, чи тобѣ може що долѣгае?

О не татуню, поцъловавши въ руку, то я ся такъ зогръла, не слеза то а но поту капля, що ся зъ чела мого на лице выкотила, — тай рукавцемъ бълон кошуль обтерла тую якъ казала каплю поту.

Ей скажи но ты правду? не потъ то, не отъ нынъ я на тобъ якусь змъну бачу, скажи скажи правду, що тобѣ мое сердењко. Тадже ты знаешь що я тебе люблю, що ты моя доня! — тай легоњко прикоснувся ви чела. —

Отъ, отъ, тобъ то старый всьо знати треба, спостеретии що Настунъ при бесъдъ отця такой и добре ся на плачь зобрало, сказала мати: Не съдъвбысь тихо, чапивесься тай пригадуенть, яжь ся бъдна розплакала, притягнувни леговко до себе, тихо тихо моя голубовко, гласкаючи ю по личку.

Роби же ту съ вами що хочень, една ся сердить, а друга плаче - памятай мамунь щобы колись и ты не заплакала та и я съ вами, но все буде за позно. Чомъ то ся непорадити коли вамъ що дольгае? суть рычи въ котрыхъ еднои головы розумъ невыстарчитъ, хотя бы незнати яка була мудра. - Знаете добре що я вамъ не ворогъ — а такъ ся укрываете передъ.... хотъвъ кончити, але тутъ уже коло себе учувъ ходъ, обглядаючи ся кто то, переставъ - Слава Исусу Христу! знявши шапку и повлонившися съдящимъ сказавъ новоприбывний, котрого лице лагодне показовало, що душа молодия хорошого чиста якъ Панъ Богъ приказавъ. Скромна одежь его была свъдкомъ що онъ не зъ богатого але дуже чесного дому походить, а бестда его лагоднењкимъ тономъздоровон груди, бо нескажена діявољскимъ напиткомъ есенціи бульбовой, произнесена, яжь примавляла, що есть образованою, тому якъ ся показуе и буквы небывъ чулжимъ.

Той отже хорошій молодець зробивши поклонъ преналежитый родичамъ, Настунв на остатку, хотя колибы ино сердце собою влядвло, тое на самъ передъ было быся стало, окомъ повнои милости поздоровивъ,

7

и катицю цватовъ вй вручнвъ, сказавши: прими тоти цваты Настуню, суть они изображењемъ твого сердця! —

Диви но, отозвався отецъ, яки то красни! чисьте ихъ Петре где зъ нањского городу достали?

О нѣ, на лузѣ вашомъ, ндучи до васъ шукало ихъ сердце мое.

Ой страхъ! на тое мати, мало що шукати — що ми то за цвъты — блаватки, незабудьки, та, взявши кътицю въ свои руки и приглядаючися близше — а познавши же то ся негодитъ такъ гостя, хотя часто прибывавъ у нихъ, на самомъ вступъ витати, пристроивши лице, сказала: красна, красна, кътиця цвътовъ, и отдала Настунъ — подякуй за той подарунокъ пану Петрови Настуню, сказавши.

Но Наступь не треба было припоминати, знала она коли за тоти цвъты подяковати. И Петро не дуже чекавъ на тую припомиену подяку. По отданю сей кътицъ взаимно собъ дяковали, — хотя ихъ никто нерозумъвъ, они ся дуже добре розумъли, но щобы доковче волю матери учинити, дякую, сказала а лице ен живовь заишло красовь, а очи о грудъ ен ся оперли.

Зъ о̀тки же васъ Панъ Бо̂гъ провадитъ? запытався отецъ —

Зъ хаты иду умысне до васъ, вже бо давно небыввмь, якъ ся маете довъдатись, та и, поглянувши украдкомъ на Настю, забавитися у васъ сли позволите.

Дякуемо, здоровисьмо ще зъ ласки Бога! дуже намъ приемно що незабываете о насъ — дай и вамъ Боже доброго здоровля за ващу о насъ память. Якъ ся тамъ ваши старењки маютъ?

Благодарю вамъ здорови — и они чрезъ мене вамъ свою шаность зложити казали. —

Дякуемо, дякуемо.

Марена, понеже бй ся тота розмова розвлеченовь здавала перериваючи запытала: Не бачилисьте тамъ де пана Андрея, та чи нечулисьте де що о немъ? дуже давно якъ небывъ у насъ.

Сесе учувши Настя якъ бы ю небыло, встала, та пойшла до свътлицъ. Петро поглядаючи за неювь, повъ голосомъ отповъвъ: ой нечувемъ ничо за него, тай вздохнувъ.

Отъ гонитъ десь по свътъ отозвався Иванъ, той человъкъ со всъмъ менъ ся неподобае.

И мень отозвався Петро, сли вольно увагу яку зробити, якись дуже непевный человъкъ, очи его на щось злого показуютъ —

Отъ, сказала Марена, тадже не всѣ еднаковыи очи мати муситъ.

Очи якъ очи, але — зачавъ Иванъ и на голосъ субаки поглянувъ за браму та и переставъ, бо увидъвъ — но згадайте кого? — На ворономъ конику молодця, въ богатой опанчи, съ ремънемъ широкимъ и шпинковь, що подъ штевь якъ око татарске блищала, а на головъ покритот жовтавымъ, короткимъ волосьемъ сидъвъ капелюхъ, колисъ може и чорный, мовь курка на яйцяхъ, а вусикъ его що якъ шило переколювався чрезъ верхнюю варгу доводивъ що не бденъ тамъ лутъ на спряжење тихъ пару волосовъ въ едну нитку выйшло смаровила. Такого увидъвъ молодця нашь Иванъ, и ледво но що му ся придививъта вже и згадавъ кто — а съ нимъ и вы ч. читатель — бо то бывъ самъ панъ Андрей, котрый будучи

вже нару разы въ хатъ Ивана, дуже му до ока его довка припала, а може и мастокъ его ще больше.

Привхавни на подвърье, спустився зъ коня, припнявъ го до плота, а самъ прискочивъ до круга съдящихъ на ослонъ коло хаты. До матери на передъ подскочивъ, и поцъловавъ ю въ руку.

А якъ ся маете пане Андрею? о воробчику мова, а воробчикъ вже и тутъ — якъ ся маете?

Про що бымъ ся эле мавъ, коли гроши сутъ, и члекъ здоровъ, тай поднесся на наљцяхъ до горы а спущаючися вдаривъ пятами о землю що му канелюхъ на очи ся засунувъ.

Гдежа бывали? запытала Марія?

Въ свътъ, въ самомъ Лембергу.

Що то за свътъ той Лембергу любопытно запыталася мати — десь дуже далеко отъ насъ —

Петро усм'вхнувшися, то вы цевно въ Львагород'в м'вст'в нашомъ престожномъ былисьте. — Имя того м'вста припоминае намъ его основателя, кривду робите пане! сли го Лемоергъ називаете. —

А — мосыцѣ панъ Петеръ! неуважавемъ навѣть же вы ту — кланямъ, и посунувъ ногою по за себе, яжь му порохъ на каркъ достався. —

Стара штуркнула свого мужа и шентомъ сказала, видишь старый ото у мене хлопецъ! щось знае, десь бывъ, а не такъ якъ Петро — ще до того и богатый.

Ой знае — навъть мъста незнае назвати де бывъ. Бесъда родителей Настъ тиховка, не перешкаджала соперникамъ со всёмъ собъ противнымъ, бо бесъду вчату продолжали.

Мосцѣ Петеръ! якъ виджу рузумъ есть, коли есть скажи же менѣ якъ онъ выглядае —

Не у кождого здаеся ми однаково; бо бы всѣ дурными або мудрыми быти повинни, а въ природѣ ся показуе, що едни межи людьми суть мудри, а другіи, хотя такъ якъ первыи голову носятъ, не маютъ ясного понятіа о рѣчахъ ясныхъ якъ соъце.

Во — во — що вы ту наговорили — я ся пытавъ якъ Лембергъ выглядае а вы — тай го змѣривъ своими очками пискора. —

Пане Андрею! такой якъ бачу непорозумѣемося — вже въ самомъ назвищу неможемося згодити, вы бо называете тото Лембергъ, що я Львагородъ называю, зачнѣмъ о чемъ иншомъ, кто знае може вамъ ся подобало то що менѣ не коњче въ очи внало; идучи бо до того мѣста колимъ взрѣвъ тоти звалища на горѣ, котрыи колись такъ славными людьми замешкаными были, передъ котрыми зброи напасныхъ Туръковъ та и Татаровъ мовь то глиняни начиня при жаръюмъ огни прискали, а сами вороги якъ чайки о скалу розбивалися, о! — коли тое навевемь на память, трудно вже было погадати абыся приднвити якъ тамъ въ мѣстѣ ножики, шпинки, ремѣнѣ продаютъ! та и капелюхи. —

 О — що ми то за пріемность дивитися на голи муры, по котрыхъ но вътеръ проганяе.

И дума правдивого Русина? Петро ироническо от-

Оть дайте тому конець, вже по вашой бесьдь познати щосьте въ далекихъ были сторонахъ, тай по томъ капелюсь, не е онъ зъ нашого мъзерного мъста—встала тай взяла гостя за руку прошу до хаты пане Андрею.

Иванъ до Петра — но якже мы тутъ сами ся лишимо, а но и мы за ними — прошу — Але Петро хотя не давно ще смѣявся, вздохнувъ и мимо волѣ слеза му ся по его покотила лици. Не гнѣвайтеся на мене що я такъ смѣлымъ стався до васъ учащати, смѣлый то въ правдѣ крокъ зъ моей стороны, но я тому невинепъ, най сердце мое за тото отповѣдае, о — тяжењко опо теперь болѣе, не для моихъ вапи пороги по̂тъ — я бѣдный а... пращайте— стокротно пращайте! — о Боже! — якже тяжко! —

Петре встримай твой жаль, ты знаеть що она ще за мужъ непойтила, знаеть що она тя любитъ, и тое вжесь мусъвъ познати, що и я тялюблю — ктоже ту панъ сли не я? моя воля и такъ ся стане, сли ще до того и Богъ ю тооъ присудивъ.

О батењку мой! кобы то и жена ваша такъ о менъ гадали, бывбымъ найщастлившимъ человъкомъ — дуже ся обавляю, нехотъвбымъ бо, щобымъ стався икогось несогласія межи вами причиною.

Тадже ты знаешь якъ то пословиця каже: же де довге волося тамъ короткій розумъ — прийде то она колись до розуму!— прошу прошу ходіть со мною, — буде всьо добре. —

Петро обтерши очи — вступивъ за нимъ въ домъ— за порогомъ въ съняхъ ставъ и почавъ думати, нарештъ стисъ Ивана за руку, нъ отче, не могу, непойду съ вами, нехочу быти свъдкомъ его залецянокъ, сердце бо бы певыдержало придивлятися якъ тота гадюка свою ъдъ въ такъ красный цвътъ внущае — о не пустътъ! Богъ розсудитъ — пращайте. — Та уклонившися, еднымъ скокомъ бывъ вже и на подъвърю, а зъ подвъря та и за брамовъ. —

На дармо Иванъ Петре, Петре, вернътъ ся прошу, я васъ прошу, яле я васъ прошу Петре, Петре, вернътся. Петро якъ тънь бывъ, тутъ го и не было.

Коли такъ Марія и Андрей зоставили на дворѣ Ивана и Истра котри якъ бачимо дость довго съ собою бесѣдуючи на рештѣ ся порозходили, и Андрей всю силу своей бесѣды уживъ абы до намѣреного чрезъ пего конца доступити. И такъ вступивши за порогъ съ Маріевь, вынявъ зъ кѣшенѣ миого пинурковъ богатыхъ коралей, подаючи вй въ руку сказавъ: примѣтъ отъ мене той мѣзерный дарунокъ на знакъ що я съ вашовь Настьовь такой доковче ся женити хочу. — А зъ другои вытягнувши розпи встяжки рознои красы, и также пару шнурковъ коралевъ, дробневкихъ якъ роса, подавъ Маріи — а тото отдайте ващои Наступѣ. Вы незнаете якъ яю ущастливити хочу.—Всьо що маю съ невь подѣлю. —

Дякую за ваши подарки. — Прозираючи тото все, якижь то красни — многосьте дали за тото все?

Нѣ, не много, анѣ знати того щомъ видавъ при то̂мъ що маю, недороге для Настунѣ! —

Отчинила двери свѣтлицѣ де сѣдѣла Настуня и бавилася кѣтицевь цвѣтовъ позираючи чрезъ о̂коњце, а такъ занита гадками была, що навѣть и нечула же ся двери отчинили, и же мати съ Андреьомъ до свѣтлицѣ вступили.

Настуню! Настуню! диви но диви якій то тобѣ панъ Авдрей подарокъ дае чрезъ мои руки, самъ бо немае смѣлости — подиви но любунь то не цвѣты Петра!

Настуня обуджена тымъ словомъ Петра, якъ же ся ви сердењку зробило, коли то тутъ коло себе взръла Андрея, котрого хотъла была и итколи невидъти.

Мамуню моя! тякъ ся отозвала: цвъты Петра пре-

подае, также менѣ дорога, бо то ваша мамунь, и поцъловала, но негнѣвайтеся сли той подарокъ пана Андрея, ту ей красни брови зближились къ собѣ но то дуже несхлюдно, здае сп же по первый разъ въ житю — для того тоъко зъ вашихъ рукъ беру, абы го ему отдати. То сказавщи вручила ему шиуръ коралѣвъ. О надъ все менѣ цвѣты Петра милѣйши! —

Га коли съ моимъ не владъ, то я съ своимъ назадъ! Андрей отозвався и сховавъ до къщенъ коралъ А лице его може первый разъ въ житю зарумънилося, якъ лице сатаны, коли му душа смертељника зъ рукъ вымыкаеся, и очи огнемъ злости палали и туй що неперешили Настю. —

Дъвко! бой ся Бога, що ты найлѣшшого робншь? мати товь несподъванковь переражена, закричала, маешь ты розумъ? такого щобы насъ нынъ заплативъ своими грошми, за якоесь ни сьое ни тое мѣняти? га? то на тое я тебе годовала, плекала, бы, доховавши ся тебе, голова менъ зъ гризоты посивъла?

Мамуню любезнѣнша! припала до колѣнъ матери, простѣтъ менѣ, такъ мое сердце казало! И Андрея немогу быти — Петро або никто! — простѣтъ, простѣтъ бѣдно̂й! и взявши матерь за руку, зляла ю слезами горячими.

Иди ми, не калай мене твоими негодными слезами! закричала матерь. —

Андрей придивлявся тому, простуючи вусъ додававъ: ой выховальсьте собъ доню! ящирку, — падальця, медведика. —

На тое коли вже ся немогъ допросити Петра бы ся вернувъ, и Иванъ до свътлицъ принцовъ, а зобачивини Настю въ сљозахъ, а Андрея кажущого учувъмедведика — повољнымъ своимъ голосомъ. — А що
ту такого? сказавъ — якъ бачу, дѣеся тутъ о че̂мъ
и негадавемь. — Що васъ навело пане Андрею въ такін до моей Настѣ одозватися слова? Молю васъ! хата моя есть въ правдѣ пристанищемъ гостины, але над
уживати ю, о тое собѣ съ все̂мъ выпрашаю. — Червъ
хоть малый кидаеся, коли го кто негодными допче ногами. Прошу васъ опустѣтъ насъ и неробѣтъ намъ
боъще тои пріємности, посѣщати насъ. —

Андрей учувни бесѣду, котра дость ясновь и зрозумѣловь и для него была, затиснувши капелюхъ, заскребечавши зубами нѣбы старыи завѣсы дубовыхъ дверей, выйшовъ зъ хаты, а сѣвши на коня, погонивъ за браму — и, почекай научу я тебе, заверещавъ — ти гадюко!

Марена втиснувши лице свое въ руки ой ой! бідна моя, нещастлива година, съ такимъ человікомъ, зачала заводити, пойду вступлюся тобі вже на віки, няй ся очи мои недивлять больше на той соромъ. Такого якъ Андрей выганяти за двери? и ты прагнешь долі твоей дитины? обернувшися до мужа, коли предкладаешь Петра надъ Андрея? и чимже Петро противъ Андрея? га? треба мені того на мои літа? Иване! Иване! що ся зъ тебе зробило? — тай лкнула —

Цитъ стара, цитъ, некидай суду коли ся неприсвъдчилась анъ о едномъ анъ о другомъ, еденъ отъ другого такъ отстоитъ якъ соще отъ землъ. То только клопотъ, що вамъ жънкамъ но поверхное въ очи впадае, а въ внутрь вглянути нехочете, чи може и не вмъете. Кажепь що онъ богатый, и для того докоњче Настю за него выпихаеть, но, пытаюся тебе, на що нашой дътинъ большого маетку якъ той що посъдае? Зъ ласки Бога маемо тило, що, хотя бы зять и ничого съ собою невпровадивъ въ домъ напъ, будутъ мали зъ чого жити, но кобыся шановали и любили, працювали якъ Богъ приказавъ —

О запевне ты бы хотъвъ, щобыся мотыкали въ земли якъ мы — а треба бы имъ того, кобы до маетку нашого ще ся причинивъ и больши?

Моя любезна, ничо такъ несмакуе якъ тое, що собъ человъкъ самъ власною рукою запрацюе. Легко що приходить, тое и легко ся розлътае. Уцтивый ся працювати невстыдае. Подивися на ню, яка она здорова, хотя некормлена навскими присмаками, въ праци она взросла така, ничо би невадитъ. Ни совце полудня, ни морозы острои зимы, не уймаютъ бй красы — якъ цвътъ поъный розвилася — щобы ты ся тъщити мала, що бй такого якъ Петро призначивъ Богъ жениха, то ты ся сердинь. —

Ой бодай Богъ боронивъ отъ такого зятя, — може за тое такъ го величаеть, що ю тамъ троха читати та писати научивъ? ой якъе ми дъло! я не вмъю читати а прецънь собъ славити Бога господиня! и щоже тобъ зъ того же умъещь на книжку ся дивити, та и перомъ по папери водити?

О — много — бачишь любунь могу вже розпознати Андрея отъ Петра; такъ бо десь читавемъ разъ "же не всьо що ся свътитъ золото" — непризывай лиха — коли ти доля нъбы зъ неба шлеся!

Почвай Иване! дочитаешь ты ся лиха — будешь видъвъ що пожалуешь того, а на тоту годину бу-

дешть ще не разъ наръкати, въ котрой то Андрея такъ сбезчестивесь –

Настя прислухуючися тому, немогла больше выдержати; сердце ен розривалося, що ся причиновь такои перемовки межи родителями стала. — Для того же вы мене выплекали, для того о мень такъ старалисьтеся, абы вамъ мъсто вдячности выплачуваламся згризотою? о нъ — учино вашу волю — кажътъ, кажътъ, послухаю васъ, ще нынъ зроблю всьо що кажете — пойду — перепрошу — Андрея, пана Андрея — на колъна впаду передъ нимъ — няй ся поверне назадъ до насъ, няй менъ проститъ и вамъ батењку мой! — Скажу, же вже его хочу — ахъ серце менъ ся крае, такъ его хочу быти, бо така воля ваша мамунь! Батењку! впала лкаючи до колънъ — позвольте бымъ его была, видите якъ тяжењко мамуня плачутъ!

О сотворителю всього! дай же мен'в силу бымъ выдержавъ до остатка, страшна година вдарила мен'в тай отвернувшися одойшовъ отъ нихъ. И Насти хустку на голову закинувши, такожь по хвиљив выб'вгла зъ хаты. —

Опустимо на хвилю хату Ивана, — перейдемо ся за Петромъ котрый сумный, выйшовши зъ хаты, пустився дороговь — просто до дому, и на скруть до льса подибавъ Федька, котрый съ прутьомъ на мътлы вже назадъ повертавъ. Съ тымъ стрътившися, троха му ся легше на сердцю зробило: бо то бывъчеловъкъ зъ того самого дому де Настя! — Привитавшися съ нимъ — запытавъ го ся Федько:

Що то вамъ Петре? вы щось дуже сумныи. Недивовавбымся, щобы то вы такъ были въ въку вкъ н — вы таки хороши, молоди, и сумуете? —

покињте тото, то не для васъ, дуже вамъ непристо-

Федю — Федю — щастливисьте сторазы щастливши, хотя въ въку — сли васъ въ ваніомъ житю подобного щось неподибало!

Но щоже то вамъ? може вамъ жаль, що васъ такъ полюбила Настя? красну будете мали и добру жену! неображайте Бога! и поднесъ шапку. —

Петро нѣбы ся усмѣхнувъ, но смѣхъ той бовьше до плачу бывъ подобнымъ —

Послухайте щось вамъ скажу: Въ городчику краснымъ выплекали собъ добри люде цвътокъ красшій надъ всъ красы, а вонячій щобыся пчолы робмъ были до њого тиснули, кобы были го нестерегли. Едного разу поднюхавъ го шершень, крутився, кружавъ, бо все ктось бывъ коло него, яжь нарештъ подибавъ хвилю, никого небыло коло цвътка, хотя ся цвътокъ туливъ, такой ся вкравъ въ середниу и ссавъ, но ту Петра бровы ся захмурили, заставъ онъ там пчолу — выгнавъ ю въ правдъ — горе му але! и пчолъ котя малењка, умъе кусати. —

Я васъ нерозумъю Петре! що то за байка? Тихо! отъ вде — сховайся —

Аго, то то шершонъ — ой зъ доброго то гивзда, гей чи такой не зътыхъ... — то Андрей?

Тихо, тихо — сховаймося о тутъ за той корчь — живо! —

Ино що ся сховали, не далеко отъ нихъ певно абы надъ средствами, якъ бы то ся на Иванъ помстити и его Настунъ лъпше ще промышляти, стримавъ коня Андрей, злосливый богачь! — Но конь чи познавъ може кого несе, зачавъ брикати, якбы омысьне, абы

пнатањски гадки свого пана розогнати. Але сиљими Андрей стягнувъ го поводами, же якъ вритый стояти, мусѣвъ. Стоявъ непорушенно, лишь муситъ тому, бы силъ назбиравъ; бо помалой дуже малой хвилъ кинувся, вдаривъ задними ногами, ставъ дуба, але то всьо такъ въ скорѣ по собъ слъдовало же нѣмъ ся панъ Андрей полапавъ, вже якъ довгій розпостерся на земли, придусивши капелюхъ своимъ тягаромъ Зорвався зъ земли, простуючи свой стронкъ почавъ кликати на коня — но на дармо верещавъ, конь бо такой въ воздусѣ передъ его зъслезъ очима. —

Загравши зубами, о ты негодне сотвориње! заверещавъ ступаючи що разъ близие до корча, ба вже го и менаючи: чи ся смовилось съ Иваномъ та его Настьовь? сказавъ — почкай прійде ти конецъ — почкай ты друга Настю! ще нынь! — тай затисъ на голову капелюхъ тупнувши правою ногою.

Не далеко одойшовъ отъ корча, немотъ бо Петро вже болые укрыватися, учувщи таку грозьбу, якъ левъ молодый коли то ся съ нимъ вто дражнитъ, выскочивъ зъ скрытого мъсця и порвавъ Андрея за рамя: О ты потворо! твоими безчестными словами га воити поважаешся домъИвана? Настю? — А нъмъ ся Андрей полапавъ що ся съ нимъ дъс, и Федко выскочивъ. Хотя старыкъ, дость ся прецънь силы ще здибало. Розгиъваный отгрызковь на свого господаря такожь ся причипивъ до Андрея. —

Аидрей метавъ ними зъ початку; всю бо силу свою зобравъ котра помалу упадати почала, а противно Петра и Федя взрастати, бо го нарештъ перемогли и повалили на землю.

Ту зухваљче, ту твое мъсце хробе ядовитый, вій ся якъ пискоръ коли го посолятъ —

Правдусьте казали, одозвався Федь, же пчола шершеня переможе, я вамъ мало помагаю — я вже старый трутень —

Пусцѣтъ заверещавъ Андрей и кинувся яжь ся блискій корчь зарушавъ — Но тяжко му было ся вырвати, бо Петро и Федь лежали на нёмъ! —

Федю! бѣжѣтъ але скоро, прикличте челядь, ващого господаря, але скоро! обявши Андрея на вколо—бѣжѣтъ чай прилѣтаютъ, скажѣтъ що ся вовкъ голодный злапавъ —

Почкайте! тра му руки связати щобы вамъ ся тымъ часомъ невырвавъ — и скочивъ за корчь по пинуръ, котрымъ прутя звязане было — принѣсъ та Андрея до купы связали руки — Такъ теперь полечу — а вы Петре такой лежѣтъ на немъ. —

Къдався якъ навъдженый коли го священовь водовь покроилятъ, нарештъ, бо на передъ руки его связани были, вложивъ паљцъ до губы засвиставъ три разы що яжь Петрови въ ушахъ заскомлъло. —

Видишь якій я добрый позваляю тоб'в грати, но не такъ силно бо си груди попсуещь —

Андрей ще разъ повторивъ, але такъ сильно, що голосъ десь яжь о остатне дерево въ лѣсѣ отбився— и Федь старый хоть бѣгъ але недалеко ще бывъ, ставъ и обглянувся, но ся застановивъ коли увидѣвъ же зъ лѣса добра горства людей якихсь чуджихъ бѣжитъ просто въ тото мѣстце де Андрей и Петро находилися.

Незнаючи що робити, чи бъгчи до дому, чи на поратунокъ, скрывся за дерево абы приглядаючися де поведутъ Петра, або чи на мѣстци съ нимъ що робити будутъ, мо̂гъ въ дома сказати и такъ му совокупно помочь принести.

Были то тоти сами, о котрыхъ высше начеркъ малењкій давемъ. Они, почислившися же не всѣ разомъ и познавши кого имъ бракуе по сиљномъ свистѣ, просто въ сторону якъ марцьова планита садили, зъ отки ся голосъ чути дававъ.

Приближившися, взрѣли молодого человѣка, сѣдящого якъ крукъ на стервѣ, добре вже змученого Анд дрея.

Голя! що то! якъ бы коменду всѣ едногласно, и порвали Петра за руки — кто ты? що дѣлаешь? мордуешь — зтягнувши го зъ Андрея.

Ты зухваљче! еденъ зъ нихъ заверепцавъ поднесши топорецъ надъ Петра голову.

Андрей, встримайся! месть до мене належить о̂нь мене образивъ. — тымъ часомъ розвязали му руки.

Андрею! и ты позволивесь, еденъ тутъ при немъ стоящій, широкобарчистый, высокого взросту хлопъ, а опаленый якъ сынъ Африки, — абы тя така муха—и потрутивъ Петра, якъ барана связала?

А всъ решта, за надто велика гањба для насъ! и кьервою змытися недасть. —

Такъ ? отмавляете менѣ вже послушењство котре менѣ заприсяглисьте ?

А всѣ — такъ! хочемо абы сей нами доводивъ — и показали на широкобарчистого —

Добре, згаджаюся бы вами Кассинъ доводивъ, але подъ томъ условіемь, бысьте мень остатній ще разъ помочными были—еденъ по другомъ позиравъ — Андрей зобачивши то, сказавъ: заплачу вамъ!

Грони, то наше условіе подъ котромъ и самому біз-

Прошу на слово обернувся до Кассина, взявъ го на сторону и почавъ му щось до уха шептати —

Всьо добре, одозвався — але каже пословиця "люоъмся якъ братя, а рахуймося якъ жиды" тому колько дашь?

Андрей вложивъ руку до пояса вытягъ жмитъ грошей, ото маешь невърный! решта по тому!

Петро придивляючися тому, коли всѣ свою увагу звернули на свого нового и старого началника, мѣркуючи що Андрей щось злого намѣряе, не съ нимъ, бо небылобы жаднон причины по тиху говорити а прикликавши свѣжіи Андрея отгрызки на Ивана въ память, такой вже и певнымъ бывъ на кого та вымѣрена была, вытягъ кусень паперу и олувокъ, написавъ пару словъ, а по оконченой розмовѣ, коли оба ся назадъ зближьли до нихъ и Кассинъ сказавъ: провадьте за мною! но бачность щобы неутѣкъ показавши на него, Петро обглядаючи ся по за себе увидѣвъ Федька и пустивъ незначно тоту картину на землю. —

Такъ всѣ, было ихъ 15, зътыхъ Кассинъ и Андрей на передѣ а решта въ задѣ гримаючи Петра, поступали що разъ далѣй — Федь увидѣвши тото, пустився за ними но дуже осторожне, хѣљцемъ за ними поступовавъ, абы зобачивъ кудай го попровадятъ. Рачкомъ прійшовъ яжь на тото мѣсце де Андрея вязали, ту узрѣвъ щось бѣлого, поднесъ— а зобачивши же то щось писаного порвавъ за письмо и кинувши ще разъочима кудай Петра ведутъ, якбы отмолоднѣвъ, скочивъ и просто до дому побѣгъ. —

Прилетвыши до дому вже смеркомъ, ба правду сказавши вже ночно, просто до свътлицъ прибъгъ незаставши никого но Марену, котра ще позостали слезы обтерала тай вздыхала, закричавъ: де суть газда.

Що тобъ? запытала го ся же такъ кричишь? — або я знаю —

Кяжътъ — бо — ту — ворудку дуже важну — маю — задышалый перериваючи казавъ — и показавъ картку — давъ менъ ю, рачей здибавемъ ю — де газда? то письмо отъ Петра —

Дай мен'т покой съ твоимъ письмомъ Петра, дость маю за тото письмо!

Господинь несердится, лагодно одозвався слуга, есть то дуже важне, отъ него житье залежить Петра, а може и чте ще! —

Або я знаю де господарь, иди собъ поглядай!

Нерозумѣю, що ся дѣе, чи ся свѣтъ обернувъ? тай положивши картку на сто̂лъ выйшовъ за двери и пойшовъ до пекарнѣ, и почавъ челяди розправляти що видѣвъ. —

А Марена знову думку думати зачала. Но доброй хвили надойшовъ Иванъ —

Отъ маешь ту якусь картку письменный! чи лихо надало? цвла канцеларія ся до мовй хаты вкрала.

Марень, ты ще ся сердишь, и взявъ письмо въ руки, приближившися до свъщи зачавъ переходити рядки буквъ, а перейшовши ихъ, поблъдъ тай туй що неупавъ. —

Що тобъ, запытала Марена зо̂рвавшися зъ кресла, що тобъ? —

Кто принъсъ тоту картину? живо! Федь, Федь — мой голубоњку що то 6?

8

Прискочивъ до пекарнѣ, чи ты принѣсъ картку? Я —

Давно?

Ой тадже давно буде зо двъ годинъ сли не болие. И чомже ты менъ ю заразъ неотдавъ?

Я ю отдавъ господини, а они ся ще сердили.

Иванъ побътъ назадъ до свътлицъ и слуга съ нимъ-

Припавъ на колъна передъ образомъ св. Николая, Господи допоможи менъ, скръпи мя, бо незнаю що почати!

Дуже ся Андрей отгрожувавъ на васъ та на вашу Настю, сказавъ Федько. — а Петра десь попровадили въ лѣсъ.

Кудай?

Тудай якъ то една дорога въ село иде а друга въ лъсъ, е тамъ стежка — отже товь стежковь. —

Скличь ми тутъ всѣ слуги, но живо, няй заразъ приходятъ! —

Якъ свазавъ такъ ся и стало, трохъ хлоновъ прибъгло до свътлицъ, а въ очахъ ихъ любопытность ся оттискала — що то буде-

Два въ село! розумвете? съдайте на конър нежалуйте, то моя страта, просътъ кто може и въ Бога въритъ, няй прилътае ратовати насъ, но не съголыми руками, а ты Федю съ миою лишишся! небавтеся! въ скоръ назадъ повертайте!

Що тобъ Иване? Ивасењку мой, ты щось дуже змънився, перестрашена Марена запыталася!

Не часъ вже тобъ отповъдати що зайшло — Настя де? де Настя? десь ю небачу! —

Незнаю, десь выйшла заразъ за тобою, не забавомъ прійде, бо дежь бы пойшла? — десь ту коло хаты мае быти!

Икъ прійде няй ми дома съдить. Самъ взявъ шанку на голову и ручницю въ руки, перекрестився, выйшовъ на подворв, съвъ на коня, съ Федьомъ полетъли за браму — а два решта въ село погнали. —

Марена выбытла эт хаты, хотыла бы доковче довыдатися що тое, чомъ такъ въ скорв ся всьо двяло. и для чого, троха и сердилася чомъ ей яко господынь дому никто ничого нескаже. Но ктожь ей сказати мавъ, коли тоти, що о томъ въдали вывхали. Такъ заломавши руки крутится по подворю, кидаючи заплакаными очима то въ сю то въ ту сторону, але въ кождон тое самое взръла т. в. ничь. Ще болше би ся на сердцю тяжко зробило, коли то гадка насунулася що она сама но на целе обыйсте, кроме служащихъ пару але того самого що и она пола, тому и живо повернуласа до свътлицъ. Съла коло окна и не разъ собъ долонями очи затикала, бо ей ся якись дивогляды на очи сунули. Боже небесный! припала на колена, чомже то ныне тыльо досведчати мусимо? Господи умилосердися надъ нами! а сердцю ви легше вробилося, бо плакати почала, слезами великои роспачи. Служащи учувни такій плачь своей госпожи, поприобтали потвиняючи ю поставали коло неи. Хотя сами въ тревозъ, всъми силами старалися успоконти розплывающуюся въ слезахъ нещасливую Марену. -

А де Настя де она незнаете?

Ой тадже десь невидно де они суть? а ту никого въ хать!

Идътъ, но идътъ, но хутко, десь она ту коло хаты въ городци быти муситъ и припровадъте ю. Бъдна сплакалася, та може де и заснула! идътъ. —

Перекрестивника объ выишли до сънен а зъ съней

на городецъ, но нероздълялися, разомъ крутилися по городии, навъть кликати боялися. —

Коли такъ сама но въ хатъ Марена липилася, отверлися двери хаты, задыхана в съгла Настя. Мамунь мамунь, ктось ту ъде и Андрей съ ними. —

То певно тато повертають, слава тебь Боже!

Ой муситъ ктось иный, бо щось дуже тихо розмавляли. А деже татуњо повхали? и щось ей морозъ по твлв перейшовъ, такъ позно? ледво що но доковнила яжь ту садитъ Андрей на передва за нимъ Кассинъ узброеный а дикого лиця человъкъ!

Живо до дѣла! отозвався Андрей, нема никого — и прискочивъ до Настѣ, та закричала наставляючи руки, нѣбы ся боронити хотѣла, но щоже би сила противъ сиљного Андрея? порвавъ ю въ половину и несе ко дверямъ, Марена прискочила що робите пане Андрею? и хотѣла зъ рукъ бго вырвати свою Настю але на даремно, Кассинъ не людскій трутивъ ю що яжь оѣдна собою шибы въ окнахъ порушала, отчинивъ двери, помотъ вынести Настю, высадили на коня и чваломъ, що яжь земля застогнала полетѣли дорѣжковь брамѣ пр отивной фѣртки.

На вет моленя Настъ якін черезъ дорогу творила, лютый Андрей ще отгрызками ся отплачувавъ.

Маю тя ящорчій роде? кътиця цвътовъ зъ Петра рукъ для тебе красіпа, вартовнъйша, якъ мои кораль?

Пане Андрею жалко Настя почала: татуњо мон вже васъ любятъ и я, ту спустила оченята.

О не часъ тобъ ще и теперь, колись въ моихъ рукахъ жартовати, най една гањба другу змаже, обыйдуся безъ благословењства твого батька!

Андрею! пане Андрею! пустътъ мя пуститъ або вер-

нътъся съ мною до дому, простъть мень, вамъ и тато мой вже простили, а кобы вы знали якъ васъ мамуня мон любять? — для ней тое зробъть и пустътъ мя, або вериътся съ мною.

Такимъ то примавляла голосомъ, що дикій Кассинъ яжь ся зрушивъ —

Андрею! она може правду каже, вернися съ неювь до ен родичевъ а лучше и тобъ буде, сли маешь каи-ку сумлъня—

Мовчи! за що заплативемъ, за що заплачу? роби на щось ся поднявъ! —

Настя зъуваживши що Кассива сердце мягше, не разъ не два по лици его потягнула ручковь и благаљно шептала: просътъ за мною, и такъ гнали що разъ блисше лъса —

Выбъгла Марена, Настуню! Настуню! кличучи, но би уха вже жаденъ голосъ недобъжавъ.

Поприбъгали служащи зъ города туй що и сами непоупадали, коли вгръли свою госпожу на подворю якъ бы неживу, анъ способъ ю ся докликати, воды принеси! живо заверещала Ганка молода, але досвъдчена женицина, воды Матронъ! чи чуешь, зомлъла — воды! живо!

Подбъгла и принесла воды, взяли поливати тай натирати и откликали житье въ своей господыни, припровадили до комнаты положили на ложку.

Боже! перекрестилася, чи менѣ ся снило, чи то правда — де Настя?

Служащи бы ю потвшити суть, суть, отъ десь теперь побъгли —

Ой нъ — не сонъ то бывъ о ту, такъ ту допъро що якъ яструбъ куря порвавъ ю Андрей, тай зачала жалко заводити. Роспось дайте покой! неплачте, а сами такой и добре бы заводили были но ся бояли кричати, бо ни-кого зъ хлоновъ дома небыло.

Цить втось вде, може... тай порозбъталися, едиа въ еденъ, а друга въ други кутъ.

Що вамъ? слабымъ голосомъ запытала ся Марена? Прибъгла назадъ Ганка, небо̀итеся, Панъ Бо̀гъ съ вами то ктось приъхавъ. —

Привхавъ, — по що? нема Наств, нема вже що брати. — Моя зазулењко, моя цвътоњко гдеже ти, кудай же тя повели?

Кто? запытався Пванъ, котрый на тоти слова приоъгъ до ложка своей жены, кто? кого? обзираючися чи бывъ ту кто?

Ок бывъ господарењку, бывъ и не давно що отъхавъ сказала марена —

Та кто такій?

Было ихъ ту много, а меже ними Андрей!

О Боже! вздохнула Марена, то ти Иване? наша Настя вже ся выдала, такихъ ту было сватовъ, а тебе небыло, Боженьку мой! претираючи очи — де Настя? поднеслася на ложку и замыслилася — та съ плачемъ — Настю нашу порвавъ воронъ, бъдне якъ оно ся боронило — люти ту люде были и назадъ ся кинули.

Маресунь неплачь такъ жалко — та може вкъ сище за ласковь Божовь и отбере канюкови наша Настя.

На гадку въ якіи доњка руки ся попала, що въ сердцю ще при здоровыхъ смыслахъ знаходящогося Ивана дъяло, латво собъ представити можь!

Заломавъ руки самъ собъ недовъряючи чи то истинна, съ болемъ поглидавъ на жену якъ та ся силовала дещо промовити, по придушена жалемъ и слова выречи немогла.

Такъ наиболними болями сердця метаного застали слуги котри зъ села повернули. Духъ вступивъ въ Ивана, коли ихъ спостеретъ —

Чи и кто болые привхавъ съ вами?

Суть, выслухали вашого чрезъ насъ прошеня, есть насъ 30, много съ стрълбами, а всѣ на коняхъ.—

Иванъ незнавъ самъ, чи ся тъпити чи смутити мае, чому тота помочь уцтивыхъ людей хоть о годинку борше неприбыла. —

Слава Інсусу Христу! чи въ добрый часъ? запыталися тутъ входящи газды, хлопы передъ котрыми и самъ Кассинъ бывъ ся застрашивъ, такого взросту и такои будовы тъла были тоти що попривзджали на поратунокъ Ивану. —

Слава на въки, ой Богъ знае чи вже ся що зробити дасть. —

А чомъ? — и полкъ сатаны незлякаемося отъ васъ одогнати!

Не на дармо ношу отъ тоту ручницю, — другій ся одозвавъ, надъ 20 лѣтъ, такъ коло 30 лѣтъ мающій господарь, и десятомъ оѣсорманомъ незавстыдавбымся въ очи заглянути.

О щоже ходитъ? шкода бо величањемь часъ на дармо тратити, дёло насъ похвалитъ! человъкъ котрому лъта вже волося побъляти почали, запытався! —

О такъ: любими нынѣ ще бывемъ найщастлившимъ и въ тымъ само̂мъ нынѣ ставемся найнещастлившимъ, всьомъ стративъ, бо стративемъ Настю, мою дитину котру надъ все, надъ мое власное житье любивемъ — выдерли ми ю безбожни люде!

То тоти волоцюги всѣ едногласно, певно тіи — Маете слуги, тра было яко тако боронити тымъ часомъ! —

Послухайте добри люде! ото доставемъ картку и вынявъ зъ къщенъ — де такъ мень пише:

Отче! Страшлива по надъ вами обвисла вже хмара, ще сей ночи будете мали непрошеныхъ гостей, гостей безъ сердця, безъ сумленя, стережется! Андрей ихъ спровадитъ на вашь домъ! о Боже! щобысьте ся о томъ за позно недовъдали! Петро. Такъ доставши тоту картку але не заразъ якъ но ю принвсъ бо мя небыло дома, а моя, тутъ востхнувъ, неписьменна, добре то кажутъ: незацикодитъ знати писати тай читати, почавемъ думати що ту теперь дълати, знавемъ кудай Андрей вздити любить, взявемъ стрвъбу и съ Федкомъ просто въ сторону тую полетьвемъ щобы, якъ поведе своихъ, наполошати а сли добре поиде и забити змію! двохъ до васъ пославемъ, бысьте приспъщивши допомогли тую отъ мене отвернути тучу. Инакше ся але стало: выбхавши никого нездыбавемъ — а повернувши, вже Настю незаставемъ порвали ю! - и слеза по его поважномълици покотилася!

А деже ваша? — запытали

О та незнати чи выдержитъ, вже и плакати неможе? А дежь служащій были?

Въ садъ отновъла Ганка, на галасъ прибъглисьмо, котълисьмо нашой Настуни помочь принести, и фартухомъ обтерала очи, но немоглисьмо; много бо стояло на подворю а зобачивши насъ затримали и пустили коли вже Андрей съ Настевъ за фъртковь бывъ, тай сами за нимъ полетъли — страхъ бъдна плакала — и закрыла очи долоиями.

Страхъ и гадати, що тоти моспановки съ нами дълати почали, отповъли всъ.

Але муси поти стало! отозвався вденъ но сивъти починающій человъкъ — мы крепкій ще хлопцъ! що то мы не нашихъ батьковъ дъти? маеможь съ заложеными руками придивлятись якъ ни сьое ни тое вънащихъ пъондруе коморахъ? За мною! Богъ съ нами!

Почали выходити за двери. Горе имъ! сли ихъ подыбаемо, всю напу кривду змыемо нынъ въ ихъ власной крови!

О не! кто ту мститися привхавъ може назадъ вернутися, не по христіяњски злое злымъ отплачувати и не по руски мститися, повдемо, бы ихъ полапавши нешкодливыми здвлати, знаете хлопцв якъ то волъ коли коле, то му дошку на очи привязуютъ. На що и всв нвбы розсмвялись — и цвкаво очима смотрили въ сторону зъ отки тота ихъ слуху добъжала бесвда, коли той ще свое продовжавъ слово — нетратьмо часу бы зъ пащи того крокодиля вырвати нещастну офвру! и потвшити нещастливу ще матерь и батька! тое сказавши прискочивъ до Ивана лишвтея дома отче, я ваше заступити хочу мвстце!

То ты Петре? а зъ отки же ты ся тутъ взявъ? давнось ту? де Настя?

Настя? злапався за грудь, о Боже! Настя въ рукахъ Андрея—.... я допъро що прибъгемъ, вымотавемся зъ помеже тыхъ отлюдковъ — бывемъ и у нашого вонта, были тамъ воины котрыхъ на наше зажалъняся прислали, бы патрољовали по нашихъ лъсахъ — ту ихъ привъвемъ! — и вще боъпие господаровъ. Добре! — добре! — ты знаеть де они, ты насъ попровадишь, на подворю охотно запытали всв. —

Сли ваша така воля, добре — но въ ночи ничого не зробимо, поъдемо, и тую закутку лъса де они обступнио до кола.

Прошу але тихо ся справлята щобы непознали письмо носомъ! — и такъ: еденъ съ ручницевь а пару съ сокърами, такъ переплътаючи собою обступимо найпевнъйшии пересмыки?

Прошу за мною въ имя Бога! и всѣ охотно рушили! и Иванъ хотѣвъ, но го отвернули просячи бы докоњче зо̂стався — на що и приставъ! —

Господи провадь ихъ! сказавъ, и назадъ повернувся до свътлицъ — щобы свою потъшати много терпящу Марену!

Нещасна то ночь была для Ивана и его сопруги, цѣлый часъ молилися просячи Бога, быся день показавъ. А коли Иванъ первыи лучи вкрадаючися до
свѣтлицѣ узрѣвъ, перекрестившися выбѣгъ на подворье! Но всюди тихо якъ бы въ гробѣ, птицѣ не
такъ якъ колись спѣвали, десь некуда отзывалися
але дуже сумно выводили. Морозъ чрезъ цѣле гѣло
перебѣгъ коли погадавъ де его Настя, заломавщи
руки почавъ глубоко думати, скоро але и обудився,
коли учувъ звонъ, котрый побожныхъ Христіянъ на
ранное взывавъ набожењство. Зробивши знакъ святого креста повернувъ до хаты. —

Кто съ Богомъ, Богъ съ нимъ, уберися сли можешь любунь, пойдемо до церковцъ святои помолитися, вже бо звонили.

А щоже то нынъ? подвела голову зъ постелъ и слабењкимъ запыталася голосомъ. Недъля — чи тяминь ты що?

Ой тамлю не сонъ то бывъ — и почала ревно плакати, и Ивану ся сердце краяло.

Помоть ей злъсти зъ постель и убратися и подкръпляючи ю своими вже худыми силами, принцли до церковцъ, ту впали на кольна нередъ пречистовь Богородицевь и цълу утрень горячи засилали моленя. А коли свищенникъ ставъ на службу Божу крестомъ Марія лежала чрезъ цълое Богослужење. По службъ божой, коли ся розходити починали, вставини знова принали на кольна, ще разъ засилаючи свои моленя до правителя всъхъ судебъ. — Потому встали и выйшли зъ церкви.

Всв знали чому такъ великій смутокъ огорнувъ сердця тыхъ уцтивцівъ, но никто неотважився съ ними розмавляти; бо съ ними разомъ плачучи, ще больше бы ихъ до жалю побуджавъ. Такъ выйшовши зъ церкви пустилися до дому и помало, коли соъце вже зъ полудня показовало, вернулись до хаты. —

Ставши на порозѣ почала Марія заводити такъ, що и камень бывъ быся зрушивъ! —

Иванъ, о той также много чувствовавъ, но горпие му ще было, бо плакати немосъ. Вчера ще въ повнымъ цвитъ надъи, а нынъ — о нынъ, якаже то перемъна но чрезъ едну ночь сталася! —

Въ часъ въ котромъ до церковцъ Изанъ и Марена выбералися тишкомъ окружали вонны и узброени господари закутокъ лъса въ котромъ знаходилася нещастлива Настя, и решта о котрыхъ въдаемо.

Петро обнявъ доводитељство надъ всѣми; вѣдавъ бо о закутку такъ зовемо̂мь лебедева кирниця, въ котро̂мъ они любовали пересѣджати.

Попереплѣтавшися воинами на повелѣне найстаршого воина, що разъ блисше поступовали. А всьо такъ тихо ся дѣяло що и птички незлѣтали зъ своихъ гнѣздочокъ, а соловѣи свои пѣсночки свободно выводили.

Петрови такій ходъ дуже за помалый здавався, бѣдный такой бы и злетѣвъ щобы но якъ найскорше узрѣвъ тое що му найдорожше на землицѣ, тому и отлучився отъ решти и на передъ побѣгъ, але то такъ ехлюдно що му подъ ногами якбы и лута неваживъ — ничо неотзывалось. — Такъ бѣгъ, ажь коло кирницѣ стримався бо учувъ бесѣдующихъ, тихо втиснувшися въ корчь прислухався о що ту ходитъ, кидаючи очима на всѣхъ. О що му ся въ серцю дѣяло, коли межи такими отлюдками узрѣвъ свое божище, свою Настю, але такъ змѣнену що ю ледво и познавъ, яка бѣдна, якъ листокъ тополѣ при шумѣ вѣтра тряслася, то на Кассина то на Андрея позираючи котри съ собою розмавляли?

Но Андрею, шкода часу, дан кољко хочу, и веди дъвку кудай хочешь, або отсылаю назадъ ю. —

Андрей добивъ — маешь — що хочешь — такъ ся отплачуешь своему начаљникови?

Ще мало! сказавъ Кассинъ —

Петра кровь туй що незаляла, коли учувъ такій торгъ нѣбы надъ быдлятемъ, и ще до того увидѣвъ возъ пароконный зъ которого ффрманъ кликавъ: живо, живо, пане Андрею ко̂њчитъ, сѣдайте, бо часъ уходитъ, прійшло му на гадку, що Андрей Настю якъ ягня связати и съ собою свѣтами везти намѣряе.

Не могъ больне дивитися и прислуховатися тому, выскочивъ зъ корча и побътъ мовь соколъ до своихъ, живо! на передъ! бо вымкнутся намъ.

Небойся, трудно рыб'в утечи коли въ матив свдитъ. — отозвався еденъ зъ господаревъ.

Воинъ найстарийи казавъ затрубити то при немъ стоящому на знакъ, щобы изъ всехъ сторонъ сифиили, здёлавъ то ему подручный, а на знакъ що ся такъ ведля розказу стало, колька трубокъ до кола отозвалося, — и все специнымъ ступомъ на передъ поступовати почали. Такъ станули туй коло кириице, но якже ся задумавъ Петро, коли кроме Кассина и решти до того плугавого гнезда належащихъ никого облые неувидевъ? прискочивъ до Кассина, де подевсъ Настю скажи! бо смерть твоя ты смоку! и подвесъ сукъру. —

Кассинъ хоть смѣшаный товь несподѣванковь, мавъ прецѣнь тыљо притомности затримати руку Иетра, и отскочивъ на оокъ, добываючи зъ запаса пожь довшій якъ шаблиця, хотѣвъ вдарити на Петра въ той часъ, коли ся крикъ зъ другои стороны чути давъ и дикій Андрей; бо го съ возомъ зъ противнои стороны якъ вже съ Настевь втѣкавъ стримали, назадъ до круга своихъ прилетѣвъ, а зобачивши Петра же свою жолчь на него выляти хотѣвъ, вымѣривши до него ручницю паљнувъ и убивъ...... кого ?..... Кассина мѣсто Петра, котрый ся съ Петромъ боровъ. —

Видячи Андрей що нътъ для него вже рагунку хотъвъ власною рукою смерть собъ зробити, но доводитель, найстарши воинъ го по руцъ, а пистоля хотя выпалило, ино капелюхъ перешило Андрея и понесло свътами кулю.

Прискочили до него, розбронли и связали пана Андрея.

Петро живо прискочивъ до воза, котрый припрова-

дили эъ противнои стороны, бо увидъвъ на немъ Настю. Радость въ якой сердце его ся знаходило, трудно описати, коли увидъвъ же Настя же! якъ братъ сестру, коли то ся чрезъ довиш лъта невидъли, ба ще съ болиовъ радостевь повитавъ ю!

Коли такъ вонны споралися съ рештома и всъхъ вже мали въ своей моци, принцовъ и найстарний до воза, и туй що ся нерозплакавъ, коли обачивъ цвътку такъ красну, що не давно тому въ такихъ пшонахъ находилася. Розказавъ абы возъ съ Петромъ и Настьовь просто до ен родичевъ вхавъ, и самъ давши якъ найостръйши розказы бачности съвъ на коня, и товаришивъ имъ съ всъми газдами.

Такъ всв совокупно завхали ажь на обойстье Ивана, котрому ани ся снило, що ино вернувшому зъ церковцв, же и его Настя му ся приверне. Учувши въ другой комнатв, потвинаючи жену щобы неплакала, же ся двери отчинили, пришовъ до свътлицв, але и пазадъ отскочивъ коли узръвъ вониы, небавомъ назадъ зближився, коли за ними Петра и Настю свою увидъвъ. Самъ собъ невърнвъ, а прискочивши до Наств, о доню моя, о мой цвътку, де же ты была, та ю до себе притисъ.

Марена тымъ обуджена, воъгла до свътлицъ: О Господи! то не она, але дуже подобна, то сонъ, але не, то ты Настю? отозвися! ты то?

Я мамунь ваша Настя, я, бъдна, що вамъ тиљо паробила клопоту, простъть менъ! упала до ногъ.

А стань! няй тя до мого притисну серця. На видъ той и воинъ отъ слезъ стримати ся немо̂гъ. —

Упамиталися на рештъ обое що маютъ гостя чуджого. Иванъ обернувнися до него: Господине, никто, якъ вы высвободилисьте мою дитипу отъ гањбы, якуюже вдяку вамъ за тую ласку дати маю?

Ничиго ся отъ васъ недомагаю, ничого бо нездълавемъ кромъ повинности моей, тому молодцю, показавъ на Петра, маете подяковати си освободжење!

О мой Петре! обое воскликнули, познаю мой блудъ за борзо судиламъ тебе, прости, люблю тя якъ мого власного сына, отозвалася Марена.

Петро подяковавши имъ за ихъ выявлење чувствъ, отповъвъ, ничимъ бы были мои всъ забъги, кобы не той достойный мужъ

Чимже вамъ служити могу, нашь потвшителю? прошу, цалый домъ на ваши услуги прошу повельть! —

Ничимъ, — припровадивши ю тутъ, назадъ вертати мушу; бо мя там повинность кличе — но не забывайте, що то сей молодецъ ю освободивъ. —

Господине! хочте быти свѣдкомъ его надгороды що желасшь Петре?

Я — несмълымъ отозвався голосомъ Петро — я — Настю!

Возматся за руки — поблагословать ихъ госнодине!

О — не, не моя то рѣчь, то до васъ належитъ.

Взявшися за руки, Настя спустила очи, а отецъ и мати поблагословивши ихъ, просили умиљно воину, абы тое здѣлавъ, поблагословивши щастливу пару, "боъщу получивемъ надгороду якъ ся надѣявемъ" и попращавшися съ всѣма отѣхавъ. —

Небавомъ и родичи Петра надойшли и такъ всъ совокупно тъшилися, и гучни справили заручины. — А що ся съ Андреемъ и рештома стало, незнаю; бомъ ся съ воиномъ до нынѣ невидѣвъ! — то цевно що горине якъ съ Петромъ и Настуневь! —









